

БОЕВИК

ВОЕННО-ФАНАТАСТИЧЕСКИЙ

ГОСПОДИН

АЛЕКСЕЙ
МАХРОВ

ИЗ

БОРИС
ОРЛОВ

ЗАВТРА



ХОЗЯИН ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Господин из завтра

Алексей Махров

**Господин из завтра.
Хозяин Земли Русской**

«Махров»

2010

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Махров А. М.

Господин из завтра. Хозяин Земли Русской / А. М. Махров —
«Махров», 2010 — (Господин из завтра)

ISBN 978-5-00155-068-6

Вместе с товарищами, прибывшими ему на помощь из нашего времени, новый «Хозяин Земли Русской» совершает грандиозный рывок: промышленность развивается невиданными темпами, стремительно растет уровень народного образования и культуры... Но любые наши успехи ненавистны врагам – и прошлым, и будущим. Для противодействия русским «прогрессорам» из XXIII века прибывает «регрессор» с заданием не допустить изменения привычного хода истории. В результате его действий гибнет император Александр III, страна оказывается на пороге гражданской войны и интервенции. Устоит ли Россия в конфликте с самыми сильными державами Запада? Окажет ли наше техническое превосходство решающее влияние на полях сражений? Будет ли у нашей страны светлое прошлое? Другое название книги: «Хозяин Земли Русской. Третий десант из будущего»

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00155-068-6

© Махров А. М., 2010
© Махров, 2010

Содержание

Пролог	6
Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)	9
Рассказывает Владимир Политов (Виталий Целебровский)[5]	14
Рассказывает Председатель КГБ князь Васильчиков	20
Рассказывает Дмитрий Политов (Александр Рукавишников)	24
Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)	30
Рассказывает Дмитрий Политов (Александр Рукавишников)	36
Рассказывает Еремей Засечный	40
Рассказывает Еремей Засечный	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Махров, Борис Орлов Господин из завтра. Хозяин Земли Русской

© Махров А.М., 2019

© Орлов Б.Л., 2019

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

* * *

*Whatever happens, they have got
The Unicorn machine-gun, but we did not¹.*

Из песни английских солдат на Русском фронте

*Самая главная ошибка моих врагов состоит в том, что они начали
со мною враждовать!*

Олег Таругин (Император Николай II)

¹ Что бы там ни случилось, они получили пулемет «единорог», а мы нет (*англ.*).

Пролог

Я рад, что перенес столицу в Москву. Все-таки это – мой город, и я его люблю. В помпезном и чопорном Питере меня все время подмывает надеть войлочные музейные тапки. А Москва – совсем другое дело. Похожий на кустодиевскую купчиху и верещагинского солдата одновременно, этот город живой, бурный, радостный...

Мой поезд, в котором в Хабаровске японский император подписывал капитуляцию, прибывает на Казанский вокзал. Уже на подъезде к Москве видно, что Димка подошел к вопросу организации торжеств по случаю победы со всей серьезностью. Странно, я как-то раньше не замечал за ним способностей к режиссуре. Хотя, если твое состояние оценивают в миллиард фунтов стерлингов, если ты можешь подарить родной стране броненосец и полдесятка крейсеров, если ты на собственные деньги вооружил целый армейский корпус – ты вполне можешь нанять какого-нибудь Станиславского, который и срежиссирует за тебя все действие...

Вдоль дороги стоят девушки с букетами и солдаты в парадной форме. В наш поезд нескончаемым дождем летят цветы, а каждые пять минут где-то поблизости бухает артиллерийский салют. На всех станциях – мой огромный портрет с надписью: «Наше дело правое – мы победили!» Когда я увидел его в первый раз, то невольно вздрогнул: черт, неужели проклятая машинка дала сбой и перекинула меня в сорок пятый?! Но, приглядевшись, успокоился: в конце концов, никто не виноват в том, что все усатые люди чем-то похожи друг на друга...

Флаги, флаги, флаги – целый океан флагов. По мере приближения к столице их становится все больше и больше. А у черты города поезд входит в вереницу триумфальных арок из зеленых ветвей и цветных лент. Артиллерийский салют теперь грохочет, почти не переставая. Сплошной стеной вдоль полотна стоят люди. Это не мобилизованные – просто любопытные. Ну, пора выйти, народу показаться, что ли...

Я выхожу на открытую площадку салон-вагона. В голове внезапно вспыхивает мысль о возможном покушении, но тут же растворяется в спокойной уверенности, что и Димка, как шеф Императорской Инспекции, и Васильчиков со своим КГБ, и Гревс с ГПУ дело знают на «пять», а потому никаких случайных гостей из будущего со снайперками и радиоуправляемыми фугасами не предвидится...

Люди орут и беснуются. Я машу им рукой, с удовольствием разглядывая красные от натуги лица с распяленными ртами, глаза, в слезах счастья от лицезрения императора. А недурно мы с Политовым потрудились... Где-то я читал, что в тридцатые годы в Германии некоторые женщины в момент оргазма орали: «Хайль Гитлер!» Интересно, у нас ничего подобного не наблюдается?

Грохот орудий просто безостановочен. Такс, это сколько ж пороху изведут? А, ладно, еще сделаем... Ого! Вот это да! В небо взмывают несколько воздушных шаров, к которым привязан гигантский портрет. Естественно, мой. Ну, Димон, хороший ты мужик, но меру бы знать все же стоило...

Вслед за шарами в голубую высь устремляются тысячи белых голубей. Поезд замедляет ход и под несмолкаемое «ура», заглушающее даже артиллерийские залпы, медленно втягивается на Казанский вокзал. И тут же разом взметывается вверх музыка духового оркестра. Боже, меня храни...

Весь перрон засыпан цветами. Прямо мимо преображенцев и лейб-стрелков ко мне устремляется Моретта. Кстати, хотя она совершенно искренне любит меня, но ход Димыч избрел отменный: пусть все видят, что семья – основа общества!

Моретта кидается ко мне и повисает на шее. «Татьяна на шее» – смешно и трогательно. Я обнимаю ее и специально поворачиваюсь к фотографам: нате, пользуйтесь. Исторический кадр «Возвращение императора Николая с мирных переговоров в Хабаровске» у вас в кармане...

Я иду вдоль шеренг гвардейцев. Оп-па! А я вот этого парня знаю. Лично ему с полгода тому назад «География» в госпитале вручал. Так-так...

– Здравствуйте, штабс-капитан Берг.

Он, вытянувшись в струнку, рубит:

– Здравия желаю, Ваше Императорское Величество!

– Ну, как служба? Как рана – не беспокоит?

– Никак нет! – чеканит он, преданно глядя мне в глаза.

Я пожимаю ему руку и тут замечаю в строю нескольких солдат с георгиевскими крестами. А дай-ка, я тебе, друг Димитрий, маленько разнообразия внесу в твой сценарий. Похулиганю, так сказать...

Короткий приказ, и вот уже Берг с георгиевскими кавалерами следуют за мной. Если я что-нибудь понимаю в принципах проведения митингов, то я должен произнести речь. Ну, тогда речь будет соответствующая...

На площади «трех вокзалов» людское море. Посредине – огромная эстрада, на которой стоит сводный духовой оркестр на добрых пять сотен музыкантов. Ага, судя по ковровой дорожке, мне – туда.

Я подхожу к краю эстрады, люди постепенно смолкают. Ну-с, приступим...

– Здравствуйте, москвичи! Спасибо вам за такой теплый прием!

Приходится переждать, пока гул голосов утихнет. Как все-таки несправедливо, что сейчас еще нет мощных динамиков.

– Но я думаю, что эта встреча – не по адресу! – я выталкиваю вперед Берга и его солдат. – Вот – истинные герои! Вот те, кто грудью защитил Отечество! Ура и тысячу раз ура в их честь!

Ой! Как бы только уши выдержали... Лишь бы рельсы от такого рева не разошлись. Оркестр неистовствует, наяривая попури из военных маршей. А я спускаюсь с эстрады и подхожу к Моретте. Татьяна Федоровна прижимается ко мне и шепчет тихо:

– Милый, ты... ты не человек, ты – полубог! Если бы ты приказал им сейчас утопиться в Москве-реке, они запрудили бы ее до самой Оки...

О! А это что такое? На эстраде – Шаляпин, за его спиной шпалерами выстраивается хор. А перед ними... Царица Небесная, Рахманинов... Он взмахивает палочкой, и...

На все века великими делами
Прославил царь российский свой народ!
Над миром реет гордо наше знамя,
Нас к светлой жизни за собой зовет!

Для нас открыты солнечные дали.
Горят огни победы над страной.
На радость нам живет наш император,
Наш мудрый вождь, учитель дорогой!

Вот тут Димон явно перемудрил! Озверел он, что ли? Эта песня даже Сталину не нравилась своей помпезностью, а уж мне-то... Моретта умиленно смахивает слезу. Господи, твоя воля, она ведь подпевает!

В огне труда и в пламени сражений
Сердца героев царь наш закалил!
Как светлый луч его могучий гений!
К победам нам дорогу осветил!

Для нас открыты солнечные дали.
Горят огни победы над страной.
На радость нам живет наш император,
Наш мудрый вождь, учитель дорогой!

Ну, ничего, я с ним еще поговорю по-свойски! Mamочка моя, так ведь это, если и дальше так пойдет, чего ж это будет-то, а?..

А кто это так нагло теребит меня за рукав? Кто этот безумный смельчак? Ну, я ему сейчас... Егорка, ты?

– ...Государь, государь, просыпайтесь! – Шелихов настойчиво трясет меня до тех пор, пока я не открываю глаза.

Это что же? У нас гражданская война на носу, а мне сны про победу над Японией снятся? Надо же... А как все было красочно! Вот только Шаляпин и Рахманинов никак не могли присутствовать на торжествах. Им сейчас лет по пятнадцать...

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Мы медленно приходим в себя после крушения. На станции развернуто что-то вроде полевого госпиталя, куда срочно вызваны врач, двое фельдшеров и сестра милосердия из ближайшей земской больницы. Пятеро атаманцев уже унеслись в уездный город за медикаментами и дополнительным медперсоналом. Гревс расставил посты, мобилизовал всех железнодорожников, и теперь мы пытаемся связаться с Питером и Москвой.

Бледный телеграфист трясущимися губами в очередной раз сообщает, что связи нет. Бледный он потому, что над ним стоят двое конно-гренадеров с «пищальями» в руках. Один из них, молодой, но удивительно усатый и бородатый вахмистр, нагибается к телеграфисту и, похлопывая его по плечу (от чего бедолага приседает), низким голосом просит: «А ты еще постарайся, постарайся, а?!»

Наши связисты в сопровождении десятка атаманцев уже умчались вдоль линии. Сразу же, как только выяснилось, что связи с Питером и Москвой нет, мы с Гревсом отправили летучую бригаду на предмет починки нарушенной линии. Ведь Владимир Александрович наверняка отдал своим сподвижникам приказ перерезать связь...

Черт возьми! А Шенк-Дорофеич еще мне лекцию читал про мое неумение! А сами-то, сами! Спецы, млять! Проморгали натуральный заговор. Впрочем, им не впервой. Вот так же СССР проморгали! Ну, ничего, ничего... Я вам не покойный Пуго, я стреляться не стану. Я вам тут такое ГКЧП устрою – мало не покажется...

Пока мне делать нечего, и потому я гоняю в мозгах возможные варианты дальнейшего развития ситуации. Надо полагать, Владимир Александрович, ежели не дурак (а на дурака он явно не тянет! Добро бы меня, но Альбертыча с Дорофеичем переиграл!), обвинит во всем случившемся меня. Он, конечно, еще не в курсе, что я остался в живых, но исключать такую возможность он не станет. Чего он точно не знает, так это того, что уцелела почти вся моя свита. Вот это будет для него сюрпризом, причем весьма неприятным...

– ...Государь, государь! – рядом со мной возник Егор. – Есть связь! Пытаемся связаться с Кремлем...

До Кремля удастся достучаться минут через сорок («Дело ж почты – дело дрянь!»²). Москву информируют о произошедшем. В ответ Глазенап передает, что от командующего гвардией получено сообщение об удачном покушении на Александра III. Согласно версии В. А., погибли все. Чудом остался жив только он и двое его людей.

Я отдаю приказ поднять по боевой тревоге все части Московского военного округа и ввести в Первопрестольной осадное положение. Дополнительно полковник Келлер вводит режим усиленной охраны в Кремле. Через некоторое время на разговор по прямому проводу выходят Долгоруков и Духовский. Я подробно пересказываю им обстоятельства покушения. В самый разгар телеграфных переговоров рядом со станцией вспыхивает запыленная пальба. В комнату влетает встрепанный Гревс с револьвером в руках и, не говоря худого слова, пытается повалить меня на пол, намереваясь прикрыть своим телом.

– Ротмистр?! Твою же ж мать...

– Государь! Прошу вас... – попытки перевести меня в горизонтальное состояние продолжают с удвоенной силой. – На станцию напали!

Прежде чем я успеваю задать хоть какой-нибудь вопрос, за окном оглушительно ахает залп из винтовок, после чего взрывается «бердыш».

– Кто напал?

² Из сатирического стихотворения А. К. Толстого.

Ответить Гревс не успевает. Грохочет взрыв, и если я еще не разучился определять массу ВВ по звуку разрыва, то подорвали граммов двести в тротиловом эквиваленте. Мы оба тут же оказываемся на полу, а битые стекла окон осыпают нас февральской метелью.

– Александр Петрович, что там вообще происходит?!

– Станция атакована с трех сторон, государь. Женщины под защитой старого лейб-конвоя. Остальные организовали оборону. Ударная группа Махаева готовится на вылазку...

Его прерывает еще один взрыв, ответом которому служит яростная трескотня магазинок. Снова рывкают ручки, затем грохот револьверных выстрелов, и неожиданно все стихает. Ну и что у нас там?..

На земле лежит три десятка человек. Половина из них – покойники. А вот остальные более-менее целы, хотя озлобленные казаки не стеснялись.

– Егорка, а ну-ка прикажи своим поднять мне вот этого субчика!

Атаманцы, словно куль с мукой, вздергивают одного из лежащих в вертикальное положение. Та-ак, ну и что же мы видим? Офицерская форма гвардейского флотского экипажа. Занятно, а ведь Платов уволок всех «гвардии морпехов» с собой. Откуда ж ты, такой красивый, нарисовался?

– Кто таков? – Егор положительно не может быть в состоянии покоя. – Отвечай, кто таков?! Быстро! Ну!

Блин! Прежде чем я успеваю всерьез вмешаться, молодчик хрипит: «Щепольска не сгинела!» – рывком высвобождает руку и вцепляется держащему его казаку в горло. Тот от неожиданности отпускает вторую руку поляка, который тут же дотягивается до кобуры на казачьем поясе. Револьвер направляется в мою сторону. Я не успеваю ничего сообразить, как тело и руки сами выполняют все необходимое. И даже лишнее! Бедолага получил рукоятку «клевца» в лоб с такой силой, что допрашивать его дальше бессмысленно. Разве что заказать спиритический сеанс...

Ну-ну. Значит, «дядя Вова» оставил группу зачистки? М-да, вот тебе и «недотепистый бомбист»!

– Александр Петрович, немедленно и со всем прилежанием допросить всех этих... – я невольно делаю паузу, пытаюсь придумать определение для нападавших. Назвать их мятежниками – слишком много чести! – бандитов! В средствах я вас не ограничиваю!

Однако вряд ли таких групп в ближайших окрестностях было больше чем одна. Можно немного расслабиться и перевести дух. И еще пойти узнать: как там моя «ненаглядная»?..

Первый доклад от Гревса поступает уже через полчаса. Налицо целый заговор – «дядюшка» на вербовал в свою команду множество людей. От вечно чем-то недовольных студентов до профессиональных революционеров. На наше счастье, командира группы, бывшего гвардейского офицера, изгнанного из лейб-гвардии Семеновского полка за карточные долги и шулерство, удалось взять живым, и казачки с помощью нагаек и такой-то матери сумели его разговорить. Он имел приказ добить всех выживших при крушении. Допрос продолжается, но несколько бандитов, упорствуя, отказываются «сотрудничать со следствием». Я немедленно приказываю развесить упорствующих на деревьях, что послужило дополнительным стимулирующим средством для развязывания языков всем остальным.

К вечеру прибывает поезд. Он сформирован по моему приказу: два салон-вагона (для женщин), пять классных (для меня, конвоя и свиты), шесть теплушек (для железнодорожных рабочих и лошадей), по оконечностям – контрольные платформы с рельсами и шпалами. На всякий случай по бортам платформ сложены укрытия из мешков с песком. За ними расположились пулеметные расчеты с «единорогами». Когда я брал их с собой в дорогу, даже сверхбдительный перестраховщик Гревс поражался: зачем они мне? – «бердышей» вполне достаточно. Он почти уговорил меня, молодчик, но в последний момент сработал инстинкт прижимистого комбата: «Запас карман не тянет, беды не чинит, пить-есть – не просит». И два «единорога»

отправились к Черному морю. Вот теперь и пригодились: выясняется, что на «дядю Вову» работает очень много народа, причем из самых разных слоев общества!

На этом самом месте меня вдруг прошибает холодный пот: а в самом деле – кто на него работает? Версию одиночки-камикадзе я отмел как-то сразу. Больно уж мала вероятность. Иновременник? Черт его знает, но тогда этот – гений в сравнении со всеми предыдущими! И кроме всего: Альбертыч и Дорофеич, сиречь Целебровский и Шенк – куда смотрели? Ну, ладно, Васильчиков – он еще начинашка, но эти-то... Эти же – зубры! Прохлопали ушами такой заговор! То есть мое поведение обсуждать, объяснять мне, что веду себя как мальчишка, – это они всегда, а вот реальный заговор раскрыть – хренушки?! Или... Та-ак, а не появляется ли здесь ситуация из старого фильма: «Так он презлым заплатил за предобрейшее?! Сам захотел царствовать и всем владети?!»³ Может, я их не устраиваю как будущий хозяин земли русской? А что, запросто... Кандидат на должность царя у них есть, даже два. Может, старички уже решили меня устранить руками «дяди Вовы», потом ВА осудят, лишат прав на престол и – нате вам! Мишкин⁴ еще младенец, регентами – Платов и «Романов-два-в-одном». Если Мишкин не устроит – обеспечат ему падение с велосипеда... на мосту... над горной рекой. И все. ВСЕ! Путь, то есть трон, свободен! А что? То-то Платов у меня все верные полки уволок! И Эссена забрал, а на командную должность – не поставил! И Ренненкампфа я, по их же совету... А Димыч... СТОП! Вот про Димыча я думать не хочу. Если и ты, тогда, черт с тобой, – режь, млять! С тобой я воевать не стану. А значит – ехать в Стальград и просто спросить: Димыч, ты с кем? Там видно будет...

«Ободренный» такими рассуждениями, я вполуха выслушиваю доклад Гревса о том, что Васильчиков сообщает из Варшавы о волнениях в гарнизоне и просит разрешения на попытку поднять часть войск Варшавского военного округа с целью похода на Питер. Пока запретить. Прости, князь Сергей, пока я не разберусь, что тут и как, – никого поднимать не надо...

Поезд трогается. Скорость не велика: не дай бог, где-нибудь пути разобраны. На паровозе – трое атаманцев с «клевцами» и «бердышом». Кто ее, эту паровозную команду, знает? В вагоне императрицы – лейб-конвойцы покойного государя. Им еще пока ко мне переходить рано. Да и не возьму я их: свои имеются. И лучших я вряд ли найду. Мысленно примериваю на Егора, стоящего рядом, алый чекмень лейб-конвойца. А ничего, Егорка, смотришься...

Новая остановка для связи. Наконец-то на проводе Стальград. Жаль, нет еще телефона, но даже по телеграфному слогу понятно: Димон – в шоке. Его депеша гласит: *«При необходимости готовы дать гороха по потребности зпт картошки до тысячи трехсот шт зпт плеток тысячу пятьсот шт зпт гребенок сто шт зпт зингеров двадцать шт тчк имеются четыре коробочки зпт можем дать еще две тчк есть коптилки тчк могу предоставить двести карандашей тчк держись вскл»*.

Пока связисты переваривают принятую абракадабру и тихо обалдевают от прочитанного, я быстро прикидываю, что можно попросить еще. Димка использует нехитрый армейский код, принятый еще во времена Великой Отечественной. Значит, патронов он даст сколько потребуется, ручные гранаты – хорошо, хотя и мало, полторы тысячи магазинных винтовок – совсем недурно, сотня ручников – замечательно, два десятка крупняков – великолепно, хотя хорошо бы и побольше; четыре, а то и шесть броневладельцев – более чем здорово. Только вот «коптилки» – это что? Убей бог, не помню, что это означает?..

А ведь Димыч, в любом случае, ни при чем. Ну, то есть или совсем скурвился и теперь ждет меня в Стальграде засада, а телеграфное сообщение – лажа и замануха, или он – не в курсе! Но первое – почти нереально. Димыч – парень классный, боец – отменный, Дон Жуан – каких поискать, но вот актерских способностей у него – небогато! Если не девчонок

³ К/ф «Иван Васильевич меняет профессию».

⁴ «Мишкин» – домашнее прозвище великого князя Михаила Александровича.

обольщать – небогато! А вернее – совсем нет! Так что, похоже, если мои современники в чем и запачкались, то Димон об этом – ни сном ни духом! Ну, это уже легче, хотя все равно: опасность заговора своих пока со счетов не скидываем...

...До Москвы мы добираемся чуть более полутора суток. За это время нас дважды пытались остановить, пять раз отказывались заправлять. Дважды приходилось угрожать применением оружия, один раз дали очереди поверх голов. А в двух полках, 33-м пехотном Елецком и 36-м пехотном Орловском генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского, открылись вакансии на должности полковых командиров, двух командиров батальонов, четырех командиров рот и нескольких взводных. Покойные вывели своих солдат к поезду и пытались исполнить приказ ВА арестовать самозванца. Снайперы обезглавили прибывшие воинские команды, а солдатики, узревшие воочию плачущую императрицу и наследника с пистолетом-пулеметом в руках, перешли на нашу сторону (после чего им было разрешено снять руки с затылка и подняться с земли). По официальной версии, именно солдатики и подняли на штыки полковых командиров-изменников. Под горячую руку подлетела и парочка комбатов. Так что бескровным мой путь к власти не назовешь...

Дело в том, что Владимир Александрович, узнав, что попытка покушения удалась лишь наполовину, сделал хитрый ход конем: объявил меня самозванцем! Мол, настоящий цесаревич погиб под обломками поезда, его тело сильно изуродовано и потому опознано только по родинке на чудом уцелевшей кисти руки. Это он здорово придумал! А я уж думал, В. А., узнав, что я жив, объявит меня виновником смерти императора. А «дядюшка» оказался умнее. Дело в том, что по действующему сейчас в России Закону о Престолонаследии как-либо сместить меня с «должности» наследника совершенно невозможно. И гипотетическое убийство императора в этом не поможет.

Поэтому назвать меня самозванцем – наиболее выгодно в данном случае. Народ наш российский за сотни лет существования государства к самозванцам как-то привык... Практически любая насильственная смерть помазанника божия вызывала целую волну самозванцев!

Смерть царевича Димитрия – и аж целых четыре самозванца! Казнь Алексея Петровича, сына Петра Великого, – появились лжеАлексеи. Убийство Петра Третьего (те самые геморроидальные колики!), и, пожалуйста, – самозванцы тут как тут, во главе с Пугачевым! Убийство Иоанна Антоновича – явились лжеИоанны. Убийство Павла – было несколько самозванцев, именовавших себя Павлами Петровичами. В тридцатых годах девятнадцатого века несколько раз объявлялись лже-Константины. А в восьмидесятых годах появились, по некоторым сведениям, лже-Александры Вторые! Насколько мне помнится из «той жизни», в самом конце девятнадцатого века несколько раз высказывали лже-Георгии. Ну а после революции и массовой резни Романовых так и вообще – полный разгул: лже-Алексеи и лжеАнастасии во множестве. И это еще не считая разнокалиберных великих (и не очень) князей царствующего дома!

Так что... появление лже-Николая никого не удивило!

Однако все расчеты портят уцелевшая императрица и тело (практически неповрежденное, а стало быть, легко опознаваемое) императора. Да и я – вовсе не безродный казачок Емелька. Сторонников у меня хоть отбавляй – зря я, что ли, тратил столько сил и средств на подготовку своего царствования!

Правда, сейчас ситуация осложняется тем, что Платов, зараза, уволок с собой большую часть именно из тех полков, которые были наиболее подготовлены, больше и дольше всех были знакомы с новым оружием и новыми приемами ведения боя. Читай – наиболее верные мне полки. Гродненский лейб-гвардии гусарский и конно-гренадерский лишились трех эскадронов каждый, стрелковый батальон императорской фамилии – восьми рот. Так что положение мое сложное. Ну да будем живы – не помрем!

В Питере – перестрелка, ощущение такое, что конно-гренадеры и гродненские лейб-гусары соединились с измайловцами и пытаются с боем вырваться из столицы. Командует всем

этим безобразием полковник Максимов. Помогай ему господь, потому что я сейчас ему ничем помочь не смогу...

Но вот, наконец, Москва. На вокзале почетный караул в трауре – встречают покойного государя и государя будущего. Поезд останавливается. Навстречу мне чуть не бегут Келлер с Духовским. За ними, прихрамывая, торопится Долгоруков. Владимир Андреевич тяжело прижимает руку к груди и одышливо приветствует меня:

– Ваше императорское высочество... то есть, простите, ваше величество. Слава богу, добрались. Надеюсь, вы, ваша супруга и ваша матушка в добром здравии?

Я приобнимаю старика, затем пожимаю руки офицерам. Нет, конечно, вряд ли они воспылали ко мне отцовской или дедовской любовью, просто сейчас у них возник реальный, можно сказать верный, шанс высоко взлететь. Конечно, можно и очень низко упасть, но кто слишком много думает о плохом – не увидит хорошего...

Рассказывает Владимир Политов (Виталий Целебровский)⁵

В семь сорок он приедет,
В семь сорок он подъедет,
Наш старый, наш славный,
наш айцын паровоз.

Он ведет с собой вагоны,
Он ведет с собой вагоны,
Напиханы людьми,
Словно сеном воз! Эх!

Жид выйдет из вагона
И двинет вдоль перрона,
На голове его роскошный котелок...
В его глазах больших, зеленых,
В его глазах больших, зеленых,
Горит Варшавский огонек!

Наивная, какая-то совсем детская песенка... Но отчего душу вдруг так сладко щемит и на глаза сами собой наворачиваются непрошенные слезы? Может, потому, что в ней есть все – искрометный еврейский юмор, тонкая самоирония, веселый смех... и в ней чувствуется сама Жизнь?

Вот ведь я, старый сентиментальный дурак, совсем рассупонился... Впрочем, что значит – старый? Я с немалой силой, так, что ногти впились в кожу, сжал свой левый кулак, крепкий, увесистый, покрытый рыжеватым волосом, поднес его поближе к своим молодым, зорким глазам... О! Це гарно! Внушайте!

И тут же перед моим внутренним взором встал другой кулак – нет, не кулак, а так – кулачишко, покрытый дряблой морщинистой кожей с отвратительными пятнами старческой пигментации... и это ведь тоже был мой кулак, и совсем недавно! Знаете, ведь прошло уже почти полгода, как я... э-э-э... изменился. А все никак не могу к себе, новенькому, привыкнуть!

По ощущениям это все равно что с десятилетней «девятки» пересесть вдруг сразу на «Ламборджини-Дьябло». Так и хочется утопить педаль газа до самого пола! И с ревом мотора – рвануть! Чтоб только пыль столбом.

Эх, все-таки есть что-то привлекательное в этой, как ее, матрикации? Единственное неудобство заключается в том, что для того, чтобы получить это новое, здоровое, молодое тело, мне пришлось... гм-гм. М-да... Но нет худа без добра, правда? Что-то находишь, что-то теряешь...

Ну-ка, проведем инвентаризацию! Металлический привкус во рту? Отсутствует. Боли внизу живота, отдающие в промежность? И думать забыл. И крови в моче – как будто и не было никогда... да и сама моча – не выдавливается из немощного тела, с немалой болью, жалкими стариковскими каплями, а журчит могучей струей! Хоть кирпичи ею ломай... Печенка? Аллес

⁵ В написании этого фрагмента принимал участие Валерий Белоусов.

гут! Селезенка? Всегда пожалуйста! Потенция? Три месяца назад попробовал всего разок, за занятостью делами на большее времени не хватало, но тем разом остался вполне доволен...

В этот момент, будто материализованная ночная поллюция семиклассника, передо мной нарисовалась премиленькая барышня, с великолепным фиолетовым бланшем под левым, круглым и пустым, как у коровы, глазом, причем глазом небесно-чистой голубизны, и с удивительно большими титьками, выглядывающими из глубо-о-окого декольте.

– Му-у-у... – низким, прокуренным голоском прочувственно выдавила из глубин своей могучей... э-э-э... груди белокурая прелестница.

– Чего тебе, добрая фея? – вежливо поинтересовался я.

– И-ик! – выдала «фея», склоняясь ко мне так, что ее... э-э-э... грудь стала видна до самых сосков.

– Конструктивно! – похвалил я. – Продолжаем разговор?

– И-ик! Прдлж! – ну, хоть что-то осмысленное...

– Так что же тебе, бедняжка, требуется для полного счастья? – ласково спросил я.

– Р-р-рупь! Пщепрщм! – решительно заявила белокурая красотка.

– И что? – удивился я.

– И-и-и-и... все! – ответила «фея».

– Не понял? – решил уточнить я.

– Ну какой вы, влмжн пан, глу-у-у-уп... ик... и-ик... – простонала прелестница. – Ик!

Все! Пнмш? За рупь. Как хошь, чем хошь и скока захошь. А у тебя есть р-р-рупь?

– Есть! – не стал отпираться я.

– Пкажь! – потребовала красотка.

– Ну вот, изволь, посмотри, у меня даже и три рубля есть! – продемонстрировал я купюру, впрочем, не поднимая ее слишком высоко.

– О! – восхитилась «фея». – А чем меня, у тебя есть? Пкажь!

– Ну... это как-то... даже... – растерялся я.

– Впрчм, эт-то не ва-а-ажно... глвн де-ело, што я тибя лю-ю-юблюю! Коханий! И-ик!

Произнеся это откровенное признание, милая во всех отношениях «фея» стремительно нагнулась ко мне – и не успел я от нее в испуге отстраниться, как она впечатала мне своими коровьими губищами слюнявый поцелуй. После чего мгновенно выпала в твердо-растворимый осадок, рухнув мне прямо на колени. И буквально через несколько секунд уже мирно себе похрапывала в моих объятиях и, скорее всего, видела тревожные сны – потому как периодически махала своими пухлыми, с ямочками на локотках, ручками, будто отбиваясь от кого-то, и при этом тревожно бубукала... Дитя природы! Хучь дурное, но дитя...

М-да... Забавный камуфлет. И самое смешное, милостивые государи и государыни, было в том, что, ощущая на своих коленях ее горячую мягкость, ощущая стойкий запах перегара, табака, дешевой пудры, я вдруг испытал такую эрекцию...

Что?! Я сказал, эрекцию? Я вам соврал – это был охренительный стояк!

Вот ведь всем своим умом я прекрасно понимал, что держу на коленях ходячую гонорею (ежели чего не похуже! Впрочем, ГУТ вроде СПИДа еще нет? Но уж люэс здесь есть точно, это к бабке не ходи!), а у самого в голове (в голове?!!) вдруг возникло непреодолимое желание уложить немедля сию прелестницу на столик, задрать ей подол, да так ей вставить, чтобы у нее дым из ушей пошел!

И ведь только немедленная кастрация могла бы мне сейчас помочь...

Аккуратно приподняв со своих колен что-то жалобно замыкавшую «фею», я уложил ее спиной на изрезанную ножами столешницу, и моя дрожащая от нетерпения рука сама собою уж потянулась... как вдруг...

– Эй, Машка! Але-мале! – раздался у меня прямо над ухом пронзительный женский голос. – Ты чо, вольтанулась, в натуре? Не, фуцан, она у тебя кони, часом, не двинула? – подо-

шедшая женщина, чернокудрявая жидовочка, этакая стройная, пудиков пять или даже скорее все шесть сплошного обаяния и привлекательности⁶, и это при росте, откровенно льстящем мужчинам⁷, решительно похлопала мою собеседницу по щекам. – А в отрубке... ништяк! Эй, Гриня, шмаровоз, канай сюдой... это твоя мочалка? Так што ж ты за ней не зыришь? Человек тут пришел конкретно оттянуться, а твоя соска кисляк мандячит! Забирай ее, штоб не было здесь беспредела!

Нда... Феню явно не при советской власти изобрели. Данный набор звуков можно было перевести на культурный язык примерно так:

– Mari! Je demande pardon! Вы в своем уме? Извините, сударь, но она вообще еще жива ли? А, так она просто заснула, бедняжка! Грегуар, mon ami! Могу ли я вас попросить сделать мне одолжение и подойти? Что же это вы, уважаемый, не обращаете должного внимания на вашу подопечную даму? Этот monsieur – наш дорогой гость, а такое, прошу прощения, не совсем подобающее для юной леди поведение нашей милой девочки способно испортить настроение кому угодно... Проводите, прошу вас, если вас это не очень затруднит, Мари в дамскую комнату во избежание дальнейших экс цессов. Спасибо, мой друг!

Подошедший к моему столику Гриня ласково улыбнулся нам щербатой улыбкой («Ты шо, мурковод, лыбишься, как параша»?)⁸ – резонно окоротила его строгая блюстительница морали), взвалил прощально икнувшую «фею» на крепкое плечо и уволок ее куда-то в таинственные глубины варшавского трактира «Як пан Буг Свят!».

Исполнив свой гражданский долг, моя новая собеседница обворожительно мне улыбнулась, блеснув золотым зубом, и перешла на вполне гражданский язык, учтиво спросив меня:

– Скажите, мосье, вы русский?

– Русский, – кивнул я.

– Уй! – восхитилась женщина. – Как же я люблю русских, это такой хороший, такой щедрый народ!

Я поклонился милой даме.

– Вы живете в Варшаве или приезжий?

– Приезжий, сударыня.

– Я так и думала! Вы не похожи на варшавянина. Вы из Петербурга?

– Нет, я из Москвы.

– Из Москвы?! – как бы удивленно улыбнулась она и, тотчас же прильнув к моему уху, прошептала обильно накрашенными алым кармином соблазнительно-пухлыми губками: – Ну, так я уже вам покажу сейчас господина Зильберштейна! Пр-р-р-роти-и-ивный...

Она взяла меня под руку и повела из своего трактира какими-то окольными путями, через проходные, завешанные сохнувшим дырявым бельем дворы на Трембацкую улицу – узенькую, кривую, грязную, будто не столичную, варшавскую, а расположенную в каком-нибудь глухом местечке, в черте оседлости.

Подведя меня к совсем крохотному кафе, дама указала пухлым пальчиком на столик у самого зеркального окна. За ним, с чашечкой кавы по-варшавски в холеных руках, сидел еврей лет сорока, рыжеватый, довольно прилично одетый. Он взглянул на нас через окно и нежно улыбнулся моей провожатой. Я вошел в кафе и прямо направился к Зильберштейну. Он приподнялся мне навстречу, и мы молча пожали друг другу руки. Сели...

⁶ Не полнее 96 килограммов. И вообще, хорошего человека чем больше, тем лучше.

⁷ Этакый однокамерный комнатный холодильник марки «Снайге», классически-кубической формы. Или автоматическая стиральная машина фирмы «Индезит». Только черноволая. Зато с отличной откормленной, тугой, крепкой фегой! Это которая напротив головы...

⁸ Извините меня, любезный, но я не совсем понимаю причину вашей не вполне уместной при данных обстоятельствах веселости!

Тут надо бы пояснить – а что, собственно, я делаю в славном городе Варшаве, посещая кабаки самого низкого пошиба? То, что делали все разведчики всех стран мира и во все века, – работаю над созданием собственной агентурной сети. А точнее – легендирую каналы для ее создания. Нулевой цикл, так сказать... Даже не яма под фундамент, а предварительная разметка на местности... С этой целью я уже посетил Ригу, Вильно и Львов, набрав там массу весьма интересных знакомств. И следующими пунктами моего вояжа намечены Берлин, Вена и Бухарест. Для начала достаточно и этого, а на будущий год я планировал заняться Парижем и Лондоном.

Ну не ухорезам же князя Васильчикова поручать столь ответственное дело? Они пока только и способны на эффектные, но малоэффективные разовые акции устрашения. Да и профиль у них совсем другой – политическая полиция весьма далека от нужд военной разведки. Мне нужны люди для кропотливой, вдумчивой, каждодневной, скучной работы по собиранию малосвязанных между собой сведений. Причем люди, любящие деньги, – поскольку до появления идейных агентов, вроде товарищей из «Красной капеллы», еще очень далеко! Да, наверное, и не появятся здесь такие идейные товарищи, ибо не будет в обозримом будущем объекта их сочувствия и подражания – «Первой в мире социалистической страны в кольце вражеских фронтов»!

Поэтому основную ставку я делаю на разного рода авантюристов и любителей легкой наживы. Возможно, рано или поздно я сумею построить сети достаточной длины и ширины, чтобы в них угодила важная птичка, и тогда получится вербануть какого-нибудь знающего человека из Австрийского Генштаба⁹, а пока... Пока приходится работать с тем, что есть, – фальшивомонетчиками, контрабандистами, бандитами, проворовавшимися чиновниками.

Вот одним из таких людей и был мой нынешний визави¹⁰ – представителем крупнейшей в Европе контрабандистской сети.

– Мне очень приятно познакомиться с таким хорошим человеком! – радостно поприветствовал меня Зильберштейн.

– Откуда вы знаете, что я хороший? – спросил я.

Мой собеседник тонко улыбнулся...

– Штобы узнать, что форшмак тухлый, совсем не обязательно съедать его целиком, достаточно просто потянуть носом... Одно уже то, что ви пожали мне, жиду, руку, говорит о многом, ви не находите?

– Почему же это вас удивляет? – делано удивился я. – Для меня, если честно, все равно – еврей ли мой деловой партнер или немец. Главное, чтобы он четко выполнял свои обязанности по взаимовыгодному для нас договору!

– О! А ви их таки тоже в срок и полной мерой выполняете... – снова улыбнулся Зильберштейн. – Земля слухом полнится! Ви знаете, что о вас ведь здесь говорят...

– Да? И что же именно? – я, прищурясь, откинулся на спинку стула и как бы невзначай сунул руку за отворот пиджака.

– Что ми, евреи, таки хорошо уже поработали вместе с вами, и ви всегда так аккуратно нам платили, словом, усе в одно слово говорят, шо делать с вами гешефты – одно удовольствие! – порадовал меня Зильберштейн.

«И откуда у него такие сведения? Э-э-э... я, собственно, несколько раньше наладил контакт с неким Шандоровичем – покупал у него по весьма приличной цене фальшивые документы, весьма хорошего качества. Впрочем, для создания должной деловой репутации это даже на руку!» – подумал про себя я.

⁹ Политов намекает на полковника Императорского и королевского Генерального штаба Австро-Венгерской монархии Альфреда Редля, который был завербован русской разведкой. (Прим. авторов.)

¹⁰ Vis-a-vis (*фр.*) – напротив, друг против друга; тот, кто находится напротив.

– Слушайте, а ваша матушка, она, случаем, не еврейка? – поразил меня «интуицией» Зильберштейн.

Я только улыбнулся в ответ на такое смелое предположение...

– Положим, хоть фамилия моя и Эльцин, но, конечно, я, как и моя мама, самый настоящий русский! – и для большей достоверности я вытащил паспорт (созданный руками того самого Шандоровича) и раскрыл его перед Зильберштейном. – Видите, вероисповедание православное...

– Зачем мне ваш паспорт? Разве я сразу не вижу, с кем имею дело? – Тем не менее он запустил глаза в документ. – Ну, так знаете, что я вам скажу? Если мы договоримся, вы – миллионер! Поверьте слову Янкеля Зильберштейна! Знаете, господин Эльцин, я такое, такое дело хочу вам предложить, что если до сих пор мы зарабатывали копейки, то на новом гешефте будем зарабатывать рубли!

Это он оттого воодушевился, что в предварительном разговоре с его агентом (мелкой сязкой) я показал очень интересные перспективы международного трафика весьма популярных сейчас в Европе товаров, выпущенных в Стальграде. Товаров инновационных, а потому очень эксклюзивных, редких и дорогих. Что уж говорить про пулеметы, если даже простейшие застёжки-«молнии» с руками отрывались модными домами Парижа и Вены. Вот только количество выпускаемого в Стальграде товара было ограниченным. Мало того, некоторые вещи (например, винтовки и револьверы) два месяца назад были запрещены к вывозу. Попросту говоря – на выпускаемые моим внучком изделия образовался жутчайший дефицит. А я, представляясь перекупщиком, связанным с торговым домом «Братья Рукавишниковы», обещал обеспечить всех страждущих предметами их вожделения. Оставалось только проработать схему транспортировки, и как раз за этим я якобы и обратился к контрабандистам. Согласитесь – предложение заманчивое!

Но ребята были битыми волками и просто на слово доброму барину, естественно, не поверили – после того разговора с сязкой за мной три дня следили, фиксируя все перемещения по Варшаве. И параллельно наводили справки о моей репутации и кредитоспособности. Однако в городе я вел себя как вырвавшийся от жены простой мещанин, исправно посещая разные значные места (правда, выбирая кабаки почище), а завязанных в Вильно и Львове знакомств вполне хватило для обеспечения легенды купца второй гильдии. И сегодня утром я получил от своих будущих компаньонов записку, в которой мне назначалась встреча.

Поговорив со мной еще десять минут на всякие отвлеченные темы, Зильберштейн, видимо, сделал какие-то выводы и подал малозаметный (как ему показалось) знак рукой. К нашему столику подошел элегантно, даже, пожалуй, шегольски одетый господин лет тридцати. Мой визави представил его как своего друга и компаньона, Алоиза Гриншпана.

Гриншпан резко отличался от Зильберштейна.

Насколько последний был горяч и экспансивен, настолько первый казался осторожным и скрытным. Несколько раз в течение встречи Зильберштейн одергивался и обрывался Гриншпаном.

Так было, когда Зильберштейн в порыве восхваления своих услуг начинал вдруг рисовать на салфетке схемы транспортировки. Так было и тогда, когда Зильберштейн, увлеченный размерами будущих барышей, хвастался, что масштаб их работы европейский, и чуть не назвал имена контрагентов.

Поговорив около часа, компаньоны дали принципиальное согласие принять самое широкое участие в сбыте стальградских товаров. Однако, когда дело дошло до конкретики, осторожный Гриншпан не дал окончательного ответа. Он попросил завтра еще раз явиться в этот же ресторан, где и обещал окончательно обговорить все детали нашего совместного бизнеса. Очевидно, за предстоящие сутки он намеревался навести обо мне дополнительные справки.

Мы вышли из ресторанички и долго прощались у подъезда. Наконец, убедившись, что моя подстраховка на месте, я расстался с мошенниками и направился к себе. Опасаясь за собой слежки осторожного Гриншпана и боясь провалить дело, я решил в этот день не выходить больше из гостиницы.

А поздно вечером ко мне зашел один из моих помощников и растерянно протянул вечернюю газету. С трудом сдержавшись, чтобы тут же, на месте, не прибить сотрудника за нарушения конспирации (он ни при каких условиях не должен был засвечивать наше знакомство), но понимая, что попусту помощник так бы не поступил, я развернул еще пахнущие свежей типографской краской листы.

На первой странице красовался аршинный заголовок: «Его Величество Император стал жертвой покушения».

Я понял, что надо незамедлительно прерывать мою варшавскую гастроль и возвращаться в Санкт-Петербург.

Рассказывает Председатель КГБ князь Васильчиков

Известие о покушении на государя застало меня в Варшаве, куда я вернулся после командировки в Женеву. Командировка выдалась рядовая, да и в Женеве я уже не раз бывал. Первый раз еще в приснопамятном восьмьдесят пятом, когда Комитет мой только-только создавался. Тогда сотрудников у меня было всего четверо, да еще один из них, представьте себе, – девушка! Мадемуазель Чудина, мною же лично извлеченная по распоряжению государя из Бутырской тюрьмы, где означенная мадемуазель коротала дни в ожидании суда за подготовку покушения на московского обер-полицмейстера. Курсистка, очарованная идеями всеобщего равенства, братства, западничества и прочая, прочая, прочая... Была. Теперь-то мадемуазель Чудина, оперативный псевдоним – Песец, для своих – Аделаида Борисовна, или просто – Дели, для подчиненных – госпожа титулярный советник¹¹, возглавляет один из столов II департамента Первого Главного Управления КГБ...

Кстати, в Женеву мы ездили именно с ней. И еще с несколькими сотрудниками II департамента. Молодежь натаскивали. Ну а заодно решили вопрос с несколькими государственными преступниками: редколлегией газеты «Общее дело», до недавнего времени нелегально поставившейся на территорию России. Зажились они что-то на этом свете. А если про Россию пасквиль грязные пришла охота писать, помни – сие занятие сильно сокращает отпущенные тебе свыше земные дни. Все помнить должны. Как «Отче наш» знать.

Операция прошла успешно. Два объекта скончались от грудной жабы, один утонул в Женевском озере, катаясь на лодке. Информатор сообщил, что местная полиция даже не заподозрила постороннего вмешательства и подобных версий не рассматривала. Что и неудивительно: Песец свое дело знает изрядно...

Но по прибытии в Варшаву на нас громом среди ясного неба обрушилось дикое известие о покушении и гибели императора Александра. По сообщениям из Петербурга, чудом уцелел только великий князь Владимир, который «самоназначил» себя регентом при юном Михаиле. Несколько позже, уже по другим каналам, пришли сообщения, что во время покушения уцелел не только Владимир Александрович, но и цесаревич со своей женой, а также императрица с дочерью. Ничтоже сумняшеся, «официальная» власть объявила их всех самозванцами. Это был удивительный бред, но, видно, не зря государь часто повторял мне: «Помните, дружище: чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят»¹². Я лично сделал запрос в Москву и получил четкий ответ – в покушении виновен именно Владимир, а государь и его семейство – живы и здоровы. Но мифы порой оказываются гораздо прочнее реальности! И сколько я ни доказывал, что цесаревич – настоящий, а Владимир Александрович – царевич, мне не верили. Мало того – мы с моими сотрудниками ощутили значительное охлаждение со стороны властей. Как гражданских, так и военных. Дня три на нас смотрели косо, даже мои старые приятели, коих я знал еще по балканской кампании, а то и по совместной учебе в корпусе. Но потом...

...Утро встретило меня осторожным, я бы сказал – подбострастным, стуком в дверь. Мой денщик, прошедший суровую школу «русской гимнастики» у государя и не менее суровую школу КГБ у меня, уже стоит с двумя револьверами, «кистнем» и «клевцом», стараясь держать под прицелом и дверь, и окно:

– Вашство, стучать!

– Слышу, Варсонофий, слышу, – у меня в руках тоже «клевец», а Дели, решившая вчера переночевать в моей спальне, и даже в моей постели, вооружилась именным «стилетом» –

¹¹ Уникальное на тот момент времени явление: женщина на государственной службе, к тому же носящая классный чин.

¹² Фраза, приписываемая Геббельсу.

малокалиберным револьвером стальградского производства, отличающегося тихим звуком и отменной точностью боя.

Я мгновенно натягиваю на себя брюки и сапоги и поворачиваюсь к м-ль Чудиной:

– Дели, будь добра: держи окно. Ворсунька, оставь ей свой «кистень» и за мной. Пойдем посмотрим: кто ходит в гости по утрам?

Накинув на плечи китель (не от холода, а чтобы прикрыть ствол), я встаю чуть сбоку от дверей. Ворсунька, тоже боком, берется за дверную ручку:

– Кто? – интересуется он своим непередаваемым южно-северно-поволжским говором. – Гэта хто там, под дверьми, колобродить?

Из-за дверей слышится нечто не вполне разборчивое, и Варсонофий грозно добавляет:

– Их сьятельство почивать изволють. Не велено будить, проходите, не велено!

Но в ответ из-за двери доносится уже вполне отчетливое:

– Их сиятельство князя Васильчикова просят безотлагательно прибыть в штаб округа...

Ворсунька бросает на меня вопросительный взгляд. Я слегка киваю, и он, продолжая ворчать, открывает дверь. Причем делает это так, чтобы ни я, ни он сам не оказались на линии прямого выстрела.

На пороге стоит поручик-ахтырец, адъютант командующего округом. Торопливо и опять с каким-то чуть заметным подобострастием козыряет, протягивает пакет. Судя по его бледноватой физиономии, произошло нечто, чего не ожидал никто, и теперь все головы заняты двумя вечными русскими вопросами – «что делать?» и «кто виноват?». Что ж такого произойти могло? Неужто шестьдесят третий¹³ повторяется?..

... Вот это да! Такого не то что ожидать – предположить-то никто не мог! Великий князь Владимир обнарудовал указ, в котором даровал Польше независимость!

– Ваше высокопревосходительство, – штабной тихим голосом прерывает мои размышления. – В городе волнения, начались русские погромы...

– Поясните поручик: кто кого громит? Русские поляков или поляки русских?

Он изумленно хлопает глазами:

– Поляки. На Маршалковской горят два русских магазина. Мятежники заняли вокзал. На окраинах поднялась чернь и...

– Поручик! Будьте любезны: не «чернь», а отдельные несознательные личности...

Я обляял молодца совершенно рефлекторно: государь очень не любит, когда народ называют пренебрежительными кличками. Сам не любит и другим не дает. А уж своему «ближнему кругу» вколотил это на уровне, как он сам выражается, «подсознания».

Но ахтырец не из робких. С преувеличенной почтительностью он «исправляется»:

– На окраинах отдельные несознательные личности общей численностью до десяти тысяч человек объединились в банды, вооружились холодным и охотничьим оружием и движутся в центр города.

Как обидно иной раз оказываться пророком! Все вопросы сняты, госпожа титулярный советник оделась по-военному, за считанные минуты, и вот мы все четверо, вооруженные до зубов, спешим в штаб округа.

Добираемся без приключений. По дороге я прихватываю своих подчиненных, и теперь нас уже два десятка. Несколько раз в нас пытались швырять камни, а однажды даже выстрелили из револьвера, но если кто и понес потери при этих провокациях, то только нападающие.

Здание штаба оцеплено двумя ротами солдат и полусотней казаков. Внизу нас уже ожидает дежурный офицер, который сообщает новые подробности бунта. Гарнизон Лодзи забло-

¹³ В 1863 г. в Царстве Польском произошло очередное националистическое восстание, быстро подавленное русскими войсками при активной помощи местного белорусского и малороссийского населения.

кирован в казармах, в Радоме стрельба и баррикады на улицах, изрядный отряд захватил старую крепость Замошье. Командование округом – в растерянности.

Выясняется, что меня вызывали, дабы я связался с Москвой, лично с государем, и запросил инструкции. Так, стало быть, поверили, что цесаревич не самозванец? Угу... Только поздновато спохватились – истинный виновник покушения уже дел наворотил. К тому же отвлекать государя по столь пустяковому поводу... Да он меня живьем съест, если я у него в такой ситуации инструкции запрашивать буду!

Уже года три как у меня хранится «открытый лист». Подписанный еще прежним императором, теперь уже светлой памяти Александром, и государем, он гласит: «Податель сего, председатель Комитета Государственной Безопасности, князь Васильчиков Сергей Илларионович, наделен неограниченными правами. Все военные, военно-морские, полицейские, жандармские и гражданские власти должны оказывать ему полное содействие, а при необходимости передать свои полномочия по первому его требованию. Император Александр III, цесаревич Николай».

Демонстрировал я сей документ, сколько себя помню, всего дважды. Первый раз – во время служебной командировки в Лондон, второй – совсем недавно, здесь же, в Варшаве, когда подтверждал полномочия ротмистра Целебровского. Ну-с, пора и третий раз им воспользоваться...

...К вечеру мятеж в Варшаве в основном подавлен. В районе железнодорожных мастерских еще гремят орудийные залпы, которыми мы пытаемся выковырять из руин особо упорных бунтарей, но в целом в городе восстановлен порядок. В Лодзь в спешном порядке отправлен шестой кавалерийский корпус с приданными ему сверх штата шестью конными батареями, в Радом движется восьмая пехотная дивизия. Операцию по штурму Замошья штаб округа планирует уже самостоятельно, без моего участия. В смысле без моей прямой команды. Ну что ж: значит, можно возвращать господам генералам оружие, отпускать часовых и разрешить моим орлам хоть немного расслабиться. Кстати, надо бы и самому поесть, а то так весь день и проторчал с револьвером в руках над душой десятерых штабных. Господи, в горле-то как пересохло...

– Князь, позвольте?

Ну что еще? Передо мной стоит командующий Варшавским военным округом, генерал от кавалерии Ромейко-Гурко¹⁴.

– Князь, – как я не люблю такой тон. Осторожный, заискивающий. – Князь, я надеюсь, что сегодняшние события в этом здании не станут достоянием гласности?

И вслед за моим утвердительным кивком продолжает:

– Я был бы искренне признателен вам, князь, если бы вы выразили государю будущему императору Николаю Александровичу наши верноподданнические чувства...

Интерлюдия

Лорд Валлентайн тигром метался по кабинету. Все так хорошо начиналось и так плохо заканчивается. Чертов матрикант опять уцелел. Положительно, ему помогают какие-то темные силы! Но этого мало! Валлентайн с силой ударил себя кулаком по бедру. Как он мог так ошибиться?! Он, человек, раскрывший более пятидесяти преступлений класса «А», человек, руководивший раскрытием пяти настоящих заговоров против Объединенных Наций, попал в глупейшее положение: находясь в чужом для себя времени, он безоговорочно поверил в то, что услужливо подсказывала ему память реципиента. Хоть бы задумался о том, что реципиент в своей «свободной» жизни был никчемным человеком, почти законченным алкоголиком, великосветским бездельником, как, впрочем, и все его окружение. И теперь оказалось, что гвардейские офицеры, на чью лояльность он, безусловно, рассчитывал, относятся к нему несе-

¹⁴ **Ромейко-Гурк** о Иосиф Владимирович (1828-1901) – генерал-фельдмаршал, в описываемый период – генерал от кавалерии, командовал Варшавским военным округом в 1883–1894 гг.

рзезно, мол, «мели, Емеля, твоя неделя». И наоборот, «цесаревича» они воспринимают куда как серьезно, всецело разделяя его идеи и устремления. Несколько гвардейских полков просто старались не показывать командующему гвардией, что выполняют приказания и распоряжения молодого Романова. И вот результат: три полка, будучи даже в крайне ослабленном, неком-плектном составе, ушли из Санкт-Петербурга. И не просто ушли – пробились с боями, нанеся посланным вдогонку частям чувствительные потери.

Но это еще не все. Лорд Валлентайн обхватил голову руками: чертов матрикант! Чертов матрикант! Если дела будут так же развиваться и дальше – гражданская война неминуема! А гражданская война, если она не имеет под собой классового противостояния – это резкое развитие технологий и промышленности (у проклятого «цесаревича» имеется Стальград, что требует адекватного ответа), это новые кадры боевых офицеров, это обстрелянные войска, овладевшие новыми способами ведения войны и новейшим оружием¹⁵. И после этого уже неважно, кто победит в этой войне. В России будет промышленный бум, мощная, современная армия, офицерский корпус, одной своей частью опьяненный великой победой, другой – горящий желанием продемонстрировать недавним врагам свои умение и полезность. В таком случае Россия станет гегемоном в Европе, а может быть, и во всем мире. Даже если он, лорд Валлентайн, окажется правителем обновленной России, то станет заложником новой элиты этой проклятой страны. И если он попытается проводить свою политику, вернуть эту варварскую территорию на исторически отведенное ей место сырьевого и аграрного придатка великих стран Запада, его просто убьют и сменят более лояльным правителем!

Что же делать? Что делать?! ЧТО?! Лорд Валлентайн нажал на кнопку электрического звонка (еще один «привет» от цесаревича Николая!). В кабинет вошел адъютант:

– Что прикажете, ваше высочество?

– Будьте добры, капитан, пригласите ко мне министра иностранных дел. Незамедлительно.

– Слушаюсь.

Возможно, это решение. Нужно попросить помощи у другой державы. У Британской империи. Во-первых, это его настоящая родина, и вести переговоры с теми, чьи интересы и чья психология тебе близки и понятны, несравненно легче, нежели с остальными, во-вторых, если уж научно-технической революции не избежать, то нужно дать соответствующий толчок и историческому противнику России. Посмотрим, что сможет матрикант противопоставить британскому флоту...

¹⁵ Лорд Валлентайн совершенно прав: именно это и произошло в результате Гражданской войны в США.

Рассказывает Дмитрий Политов (Александр Рукавишников)

Известие о покушении обрушивается на меня, как снег на голову. ТАКОГО я просто не мог себе представить! По всем агентурным данным в ближайшее время в России должна быть тишь да гладь. Наиболее одиозные политические группы, вроде народовольцев, частью затаились, а частью переехали за границу. Какой-либо широкомасштабный заговор мои агенты, на вербованные в самых широких слоях населения, наверняка бы увидели. И доложили об этом мне. А тут явно действовала небольшая замкнутая группа или вообще одиночка с парой-тройкой помощников. И кто виновник? Великий князь Владимир Александрович, которого я считал чуть ли не единственным адекватным представителем дома Романовых. Да и с Олегычем «дядя Вова» очень сблизился за последние месяцы – он ведь из Москвы практически не вылезал, был в курсе всех Олеговых нововведений и всегда их поддерживал! А тут такой удар в спину!

Неужели?.. Неужели опять иновремяне? Мы про них уже и думать забыли, а они... Ладно, рассуждать потом будем, а сейчас надо действовать решительно. Первым делом я команду Засечному поднимать в ружье дружину. Через полчаса мой спецназ построен возле своей казармы. Общая застройка заводского комплекса спроектирована так, что само здание казармы полностью скрыто корпусами заводских цехов, а плац не просматривается ни с одной точки.

Поскольку это первая общая боевая тревога за все время существования «внутренней дружины» (до этого момента было только несколько учебных), то мои бойцы, не зная точную причину, явились на построение в полной боевой выкладке, в новенькой униформе защитного цвета. Кроме штатного боекомплекта я вижу на поясах дополнительные подсумки, набитые патронами. А за плечами у дружинников ранцы с НЗ. Пулеметный взвод притащил свои «единороги», а отделенные команды – «бердыши». Зрелище было впечатляющим. На двести пятьдесят три человека списочного состава у нас приходилось двенадцать крупняков и тридцать пять ручников. Правда, сейчас на построении не все – часть людей на постах, часть не успела вернуться из увольнения в город.

Я оглядел свое воинство и взбежал по ступенькам на крыльцо.

– Бойцы! Моя верная дружина! – эхо метнулось вдоль глухих торцевых стен заводских корпусов. Две сотни пар глаз внимательно смотрели на меня. – Наступил тот день, к которому мы так долго готовились! Подлый супостат, обманом втеревшись в доверие, совершил покушение на жизнь их величеств императора и императрицы, а также его высочества наследника престола! Император погиб! – по рядам дружинников прошел вздох. – Но, к счастью, цесаревич Николай остался жив! И наша задача – помочь ему покарать предателя!

Ну, блин, воодушевил народ. Дружинники потрясали винтовками и выкрикивали нечто, за общим гомоном неразличимое, но понятное по смыслу. Типа: не посраим, порвем, на кого укажешь и так далее... Хорошо я их все-таки подготовил. И не только в физическом и техническом плане, а и идеологически. Ведь и правда порвут любого, на кого я пальцем покажу. Ну, а вот сейчас и проверим!

– Ти-и-иха-а-а! – дружинники замолкают, ряды выравниваются. – Слушай мою команду! – двести человек снова ловят каждый мой жест. – Первому взводу выдвинуться к расположению охранной роты и заблокировать моряков в их казарме. Второй и третий взводы – перекрыть все въезды и выезды из Стальграда. До моего особого распоряжения – никого не впускать и не выпускать. Четвертый взвод в резерве. Связь через нарочных. Ра-а-а-зойдись!

Если казарма дружинников максимально укрыта от посторонних глаз, то казарма навязанной мне роты охраны нарочно выстроена так, что заблокировать ее обитателей можно

самыми малыми силами. Фактически хватит и трех пулеметных расчетов. Мне с самого начала хотелось хоть как-то контролировать чужой воинский контингент, расположившийся в сердце моего города. Так что... не дай бог морячки дернутся! А чтоб не дернулись – надо немедленно собрать всех находящихся в Стальграде офицеров и госслужащих, инженеров и конструкторов МТК, испытателей оружия, представителей приемки Морведа. Всего их тут сейчас около сотни. Собрать в одну кучу, да хотя бы в здании городского театра, взять мозолистой рукой за волосатые сиськи, потрясти да поспрашивать вдумчиво: за коммунистов они али за большевиков? Тьфу, то есть, конечно, за Владимира они или за Николая.

Только сейчас до меня доходит, что, собираясь утаскивать внутреннюю дружину в Москву, я оголяю Стальград. Сообразив, как исправить упущение, я ловлю за рукав Ерему и приказываю ему срочно отобрать еще двести человек из добровольной дружины. Критериев два: отличный уровень знаний в военной сфере и низкий уровень в сфере производственной. Ну, стрелковую подготовку и основы рукопашного боя знают все члены ДНД, но некоторые отличаются в этих делах особыми талантами. И, как правило, такие бойцы – весьма посредственные рабочие (видимо, порода у людей такая – не созидатели, а разрушители), хотя есть среди них и исключения, даже один мастер участка и токарь с золотыми руками. Задача Засечного – мобилизовать на постоянную службу во внутреннюю дружину лучших, но при этом не оголить производство.

Отдав необходимые распоряжения, я вернулся в свой кабинет и пригласил на «пятиминутку» брата Михаила, ныне исполняющего обязанности директора завода, главного инженера Даймлера, начальника КБ Майбаха и шефа службы безопасности Лобова. Братец Ванечка сейчас в Нижнем, и с ним я поговорю позднее.

Приглашенные явились так быстро, словно специально ждали под дверью. Ну, слухами-то земля полнится, и наверняка все уже в курсе произошедшего.

– Господа, я вызвал вас, чтобы сообщить крайне неприятное известие! – начал я.

– К нам едет ревизор? – хмыкнул Михаил.

– Нет, пока нет, но если мы сейчас не сделаем правильный ход и не поддержим цесаревича, то в скором времени грянет такая ревизия с непредсказуемым итогом, что будет поставлено под вопрос не только наше общее дело, но и сама жизнь. Думаю, что ни для кого из присутствующих не является секретом, что у меня с его высочеством Николаем возникли самые дружеские отношения?

Все молча кивнули, только Мишенька на правах близкого родственника пробурчал себе под нос, что никогда не одобрял моего увлечения политикой.

– Ну, раз все понимают степень ответственности, то предлагаю подумать – чем конкретным мы можем оказать ему поддержку! Вильгельм Карлович, как развивается проектирование системы МЛ-20?

– С перевыполнением плана, Александр Михайлович, – четко выговаривая русские слова, ответил Майбах. – Я уже докладывал, что испытания прошли успешно. Все выявившиеся в их ходе дефекты уже устранены.

– Насколько я помню, на одной из гаубиц был сломан накатник. Это тоже устранено?

– Да, Александр Михайлович, – кивнул Майбах, – заменили целиком. У нас в процессе экспериментального производства было изготовлено некоторое количество деталей про запас. Именно на случай поломок. Если понадобится, то из запасных частей можно собрать еще две гаубицы.

– А боезапас? – уточнил я.

– Фугасных снарядов для испытаний тоже сделали в несколько избыточном количестве, – доложил Даймлер и внезапно огорошил меня поговоркой: «запас карман не тянет!» Поэтому мы сейчас имеем почти по сотне снарядов на ствол.

– А что у нас со стрелковкой? – этот вопрос я обратил к Михаилу.

– На складах более полутора тысяч «пищалей», – ответил братец. – Но пятьсот из них уже оплачены нашими оптовыми покупателями и подготовлены к отправке.

– Отправку задержать! – распорядился я. – Что по патронам?

– После выполнения госзаказа для флота и по ставкам в Москву на складах осталось не более десяти тысяч винтовочных и всего около двух тысяч пулеметных, – без запинки ответил Михаил. Молодец, помнит все назубок. – Думаю, что уже пора расконсервировать резервные автоматические линии.

– Согласен! – кивнул я. – До сей поры нам хватало одной линии, но теперь потребность резко увеличится. Готлиб Федорович, распорядитесь о подключении резервных мощностей по производству патронов!

Даймлер медленно кивнул, энергично почесал кончик носа и после некоторой паузы сказал:

– Это хорошо, что мы заранее запасли материалы. Запасов бездымного пороха должно хватить на полмиллиона патронов.

Ничего себе! Порадовал старик! Если мы сейчас подключим еще две линии производства винтовочных патронов в дополнение к уже действующей, которая из-за относительно низкого спроса была вынуждена простаивать четыре дня в неделю, то выработка боеприпасов увеличится до пяти тысяч штук в смену. А если наконец запустим линию по изготовлению патронов крупнокалиберных... Это будет совсем хорошо!

– А обслуживающего персонала нам хватит? – уточнил Михаил.

– Те молодые рабочие, которые были выпущены в мае нашим училищем, уже почти закончили практику и полностью готовы к работе! – ответил Даймлер. – А это более двухсот квалифицированных станочников, триста слесарей-сборщиков и почти сотня наладчиков сложного оборудования. У нас сейчас наблюдается даже некоторый переизбыток персонала.

– Это радует! – резюмировал я. – Значит, нужно резко увеличить производство стрелкового оружия! Сколько у нас сейчас получается в итоге?

– В месяц Стальград выдает две тысячи «пищалей», пятьсот «кистелей», триста «клецов», пятьдесят «бердышей» и двадцать «единорогов», – снова по памяти, без бумажки, ответил Михаил. – Если освоить все производственные мощности, включая законсервированные и резервные, а также ввести вторую смену, то выпуск револьверов увеличится в полтора раза, винтовок – в пять раз, а пулеметов – втрое. Но у нас остается еще некоторый запас! Закончены по стройки и подведены под крышу еще три заводских корпуса. Оборудование для них готово. Для их запуска потребуются два-три месяца. После этого выпуск винтовок можно довести до тридцати-сорока тысяч в месяц.

– Прекрасно, Мишенька, просто прекрасно! – я был очень доволен. И прежде всего тем, что озаботился заранее подготовить необходимый запас и непрерывно усиливать производство оборудованием и персоналом. – А что у нас по несерийным моделям, Вильгельм Карлович?

– Если вы о гранатометах, то осколочный боеприпас к ним еще не готов! – огорчил Майбах. – Проблема во взрывателе. На доводку потребуется четыре месяца.

– Ускорить процесс как-нибудь можно? – без особой надежды спросил я. Если Майбах говорит, что нужно четыре месяца, то будет затрачено именно четыре. У моего главного конструктора в голове калькулятор.

– К сожалению, нет! Над взрывателями и так работает отдельная группа инженеров. И лучше их не торопить – если мы не хотим, чтобы, к примеру, граната взрывалась в стволе!

– Хорошо, Вильгельм Карлович, торопиться не будем.

– Ручные гранаты мы, как вы знаете, все-таки довели до ума. И даже изготовили пробную партию в полторы тысячи штук.

– Да, я помню. Я давал распоряжение передать двести штук в дружину. Что еще?

– Огнеметы, Александр Михайлович, как вы и просили. Двадцать штук. Они оказались довольно просты в изготовлении. Не понимаю, правда, зачем они вам, – длина струи огнесмеси всего тридцать метров.

– Да есть у меня тактическая ниша для их применения, – усмехнулся я. – А как с полевыми противопехотными минами?

– Только начали, Александр Михайлович, – качает головой Майбах. – Вы же дали задание на разработку всего месяц назад.

– Да, если бы знал заранее, что так дело обернется... Ладно, проехали, давайте дальше!

– Минометные мины тоже пока далеки от совершенства! Проблема аналогична выстреливаемым гранатам – взрыватель. Видимо, и решены обе проблемы будут одновременно. Пистолеты-пулеметы «мушкетон» полностью отработаны по конструкции, всесторонне испытаны и подготовлены для массового производства.

– А вот с ними мы пока подождем. Хватит для начала двухсот-трехсот штук.

Майбах недоуменно пожал плечами, но никак мое решение не прокомментировал (хозяин – барин!).

– Тему самозарядных магазинных пистолетов вы посчитали на данный момент не приоритетной. Поэтому ведущие ее конструкторы переведены в другие группы. Но все их наработки в полной сохранности. Я вам докладывал. Вы еще пошутили тогда, что тему продолжит Федор Токарев, как только закончит политех и вернется на завод.

– Что по снайперкам?

– Количество выпущенных в снайперском варианте «пищалей» зависит от количества отобранных стволов. Вы ведь сами рекомендовали не делать их специально, а отбирать самые лучшие среди серийных. То же самое и с «фузеей». Только для них мы отбираем стволы среди пулеметных. Средняя цифра выпущенных снайперских винтовок обоих калибров в месяц: двадцать-тридцать «пищалей» и три-четыре «фузеи». С позапрошлого месяца ставим на все снайперские винтовки новые прицелы с просветленной оптикой. По оружию – все!

– Спасибо за доклад, Вильгельм Карлович. Теперь по автомобилям... Как обстоят дела с ними, Готлиб Федорович?

– Запущенный в прошлом месяце конвейер позволил нам довести выпуск автомобилей до 12 единиц в месяц, – ответил Даймлер. – Если бы не ваше, Александр Михайлович, распоряжение о двух-трехкратной проверке всех узлов и агрегатов, то можно было бы выдавать и два десятка, а то и три. Понимаю, что ваше распоряжение вызвано желанием максимально обезопасить Стальград от рекламаций, которые могли повредить репутации завода, но... Впрочем, скорее всего в этом вопросе вы правы. Дополнительно общий выпуск снижается переоборудованием части автомобилей в боевые машины. Ведь у них, кроме другого кузова, более мощная подвеска, да и еще несколько более мелких отличий.

– Что по готовым изделиям?

– Всего с момента запуска конвейера построено двадцать четыре единицы. Из них в представительском варианте – десять, в бронированном варианте – шесть, – почесав лоб, доложил Даймлер.

– После твоей поездки в Санкт-Петербург и катания в компании с наследником по Невскому нами только через столичный магазин было реализовано восемь штук в представительском варианте и четыре в дорожном! – добавил Михаил. – А всего через нашу торговую сеть было продано шестнадцать штук. Еще два автомобиля и все броневики ты подарил своему другу цесаревичу, – последние три слова Мишенька произнес слегка ерническим тоном.

– А ты, Мишенька, все еще о потерянной прибыли переживаешь, а того не понимаешь, что эти подарки – долговременные вложения, которые потом окупятся сторицей! – я решил немного осадить братца. – Как только Николай займет престол, то все дальнейшие поставки будут оплачиваться из казны по ценам, которые мы назначим! То же самое касается и стрелко-

вого оружия, и всего остального! Подаренные сейчас несколько десятков винтовок и пулеметов обернутся в будущем многотысячными закупками! Вот сколько у нас с тобой было ругани из-за выведенного на консервацию оборудования? Сколько мы в нем денег заморозили?

– Один миллион двести пятьдесят две тысячи рублей! – мгновенно выдал ответ Михаил. – Но, черт возьми, откуда ты знал?..

– Братец, по поводу моих гениальных, в кавычках, пророчеств, мы с тобой говорили неоднократно! – улыбнулся я. – Просто поверь – тут дело не в божественном вмешательстве, никто мне с небес в ухо не нашептывает! Все дело в четком анализе существующих мировых тенденций развития техники. И теперь каждый вложенный рубль обернется тремя рублями. Потому как мы успеваем в нужное время сделать сразу нужное количество! А гипотетические конкуренты застряли бы на стадии мелкосерийки!

Выслушав мою тираду, Михаил понимающе кивнул.

– Готлиб Федорович, а сколько бронированных автомобилей мы можем построить в сжатые сроки? – я вернул обсуждение в конструктивное русло.

– Полагаю, Александр Михайлович, что от четырех до шести! – осторожно сказал Даймлер. – По крайней мере, сейчас имеется в наличии шесть проверенных шасси, восемь обкатанных на стенде двигателей и достаточное количество бронелистов. Надо только сварить бронекорпуса и произвести окончательную сборку. Все дело в сроках – если есть неделя, то сделаем четыре. А если дадите еще пару дней, то шесть.

– Принято, Готлиб Федорович, работайте! – кивнул я. – Даже четыре штуки будут отличным аргументом. Насколько мне помнится, подготовленных экипажей у нас почти десяток. Подводя итог нашему совещанию...

– Простите, Александр Михайлович, – внезапно перебил меня Майбах. – Я вам докладывал, но вы, видимо, запамятовали – три дня назад в экспериментальном цеху при конструкторском бюро были полностью закончены два морских орудия в башенных установках. После полной проверки всех механизмов мы начали готовить их к транспортировке на артиллерийский полигон Морского Ведомства, так как наш полигон слишком мал для их испытаний. К каждому из орудий мы изготовили по пятьдесят снарядов и по семьдесят полузарядов.

– Я помню, Вильгельм Карлович, – ответил я, – но, если честно, ума не приложу, как мы можем их использовать! Это же сто двадцать мэмэ с длиной ствола в пятьдесят калибров! Да башенная броня! Они же весят в сборе более двадцати тонн! Да плюс к тому боекомплект – а каждый снарядик по пятьдесят килограммов.

– Да, Александр Михайлович, вы правы насчет общего веса установок! – кивнул Майбах. – Но я вот подумал, что если взять четырехосную железнодорожную платформу...

– Гениально, Вильгельм Карлович! – воскликнул я. – Просто гениально! Сделаем специальный поезд! И кроме морских орудий установим на нем еще и пулеметы. И полностью все забронируем! Включая паровоз. Нет, нужно взять два паровоза. И будет у нас первый в мире бронепоезд¹⁶!

– Боюсь, Александр Михайлович, – осторожно прервал полет моей фантазии Даймлер, – что у нас не хватит запаса броневых листов достаточной толщины для бронирования целого поезда.

– Ну так бронируйте сколько сможете, – начал говорить я, но тут до меня дошел весь смысл сказанной Даймлером фразы. – То есть бронелисты есть, но вы полагаете их толщину недостаточной?

– У нас сейчас скопилось большое количество бронелистов толщиной двенадцать миллиметров, – ответил главный инженер, – подготовленных для броневых автомобилей. Но ведь подобная броня явно недостаточна для...

¹⁶ Рукавишников ошибается – первые бронепоезда появились во время Гражданской войны в САСШ. (Прим. авторов.)

– Вполне достаточно, Готлиб Федорович! – перебил я Даймлера. – На защиту оружейных казематов и паровозных котлов берите броню потолще, а во всех остальных местах, даже на той же платформе в оконечностях, используйте двенадцатимиллиметровые плиты. К тому же кто вам запрещает класть по два, а то и три листа? Только не переусердствуйте, а то рельсы могут под таким бронечудовищем разъехаться!

– Хорошо, Александр Михайлович, – согласился Даймлер и, переглянувшись с Майбахом, добавил: – тогда мы прикинем точное наличие материалов, сделаем проект и завтра утром подойдем к вам для согласования?

– Конечно, Готлиб Федорович, заходите в любое время! Только не забывайте, что воевать на этом бронепоезде придется живым людям, а не механизмам. Поэтому предусмотрите места для отдыха экипажа, продуктовый склад и место для принятия пищи, возможно, даже кухню, если поместится. Обязательно отхожие места с продуманной системой канализации отходов... э-э-э... жизнедеятельности. Неплохо бы баню и прачечную, но это уже поезд-люкс получится. Да, чуть самое главное не забыл – командно-дальномерный пост! У нас ведь остался невостребованный дальномер с пятиметровой базой. Проку от него в нашей лесистой местности, когда дальность ограничена несколькими километрами, будет мало, но вдруг... И, естественно, все помещения должны отлично вентилироваться, а то начнем стрелять и угорим в пороховом дыму! Ну, вроде бы все вспомнил... Ан нет! Не все! Если не предусмотреть специальных подпорок, выдвижных, то при стрельбе на борт платформа с орудием может опрокинуться! Вы, Вильгельм Карлович, зайдите попозже, я вам чертежик набросаю. А теперь, господа, раз больше нет вопросов, объявляю совещание окончанным! Всем спасибо, все свободны!

Все встали и потянулись к выходу, но тут уж я не удержался...

– А вас, Савва Алексеич, я попрошу остаться! – негромко сказал я в спину своему главному безопаснику.

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Мы сидим в Москве, Владимир Александрович – в Питере. На нашей стороне Московский военный округ¹⁷, на его – Санкт-Петербургский¹⁸. Правда, насчет Финляндии я бы на месте «дяди Вовы» не был бы столь уверен: Гейден вряд ли горит желанием выяснять со мной отношения на поле брани...

Остальная страна выжидает. В частности, Бреверн-де-Лагарди срочно заболел и теперь дожидается, кого поздравлять с победой. А у нас с Владимиром Александровичем сил для серьезных действий пока маловато, так что ситуация – даже и не знаю, как ее можно охарактеризовать. Лучше всего, пожалуй, подходит определение незабвенного Троцкого: «Ни мира, ни войны». Правда, там была еще мысль, чтобы армию распустить, но вот это уж фигушки.

Постепенно я обрастаю новым правительством и чиновничьим аппаратом, что, разумеется, добавляет мне популярности в кругу моих сторонников (еще бы: должности раздают! Не зевай!). Но, соответственно, понижает мои акции в Питере, в особенности среди тех, Чьи должности я раздаю.

Правда, многие из питерских чиновников, здраво оценив ситуацию, не говоря худого слова, собрали манатки и рванули в Первопрестольную. Их примеру последовали некоторые гвардейские офицеры, как ни странно – не только участники знаменитой встречи во флигеле «Поленица»¹⁹. Многие из тех, кто помоложе, недолго думая бросились в Москву изъявлять свои верноподданнические чувства цесаревичу. Нельзя сказать, что из Питера в Москву течет полноводная человеческая река, но ручеек не иссякает ни на мгновение.

К нам уже перебрались Куропаткин с группой офицеров Генерального штаба, приехал Николай Христофорович Бунге, горящий желанием заменить Вышнеградского, и совершенно неожиданно явился Николай Авксентьевич Манасеин²⁰. Я как-то не был с ним особенно близок, наоборот – за все время своего пребывания в должности цесаревича я и беседовал-то с ним разве что раза два-три. Но если верить тому, что рассказывают об этом человеке, то он, хоть и не блещет умом, отличается редкой для судейских кристальной честностью. Видно, из-за этой честности Николай Авксентьевич просто не поверил в историю, сочиненную «дядей Володей», и не счел для себя возможным оставаться в подчинении у убийцы. Вместе со своим министром приехали многие чиновники из министерства юстиции...

Но вот что меня тревожит – молчание Змея российской политики – Победоносцева! От Константина Петровича – ни слуху ни духу! Он не поддержал меня, но и «дядю Вову» тоже. Мало того – из Питера Победоносцев уехал, но до Москвы пока не добрался. Понятно, что Змей выжидает прояснения обстановки и сделает ставку на победителя в нужный момент. А это может означать только одно – весы все еще колеблются...

Императора мы хороним на девятый день после покушения. Хороним в Архангельском соборе Московского Кремля. Здесь у Александра хорошая компания – рядом покоятся почти все великие князья и русские цари, включая Дмитрия Донского и Ивана Грозного. Убитая горем вдова – «маменька» Мария Федоровна – подумывает об уходе в монастырь. Еле-еле удастся уговорить ее подождать с этим деянием хотя бы до моей коронации. Интерес у меня до

¹⁷ В него входили: Московская, Тверская, Ярославская, Вологодская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Орловская и Воронежская губернии.

¹⁸ В него входили: С.-Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонецкая, Архангельская, Эстляндская и Лифляндская (исключая Рижский уезд) губернии, а также восемь Финляндских губерний.

¹⁹ Эта встреча описана в романе «Спасай Россию».

²⁰ Министр юстиции в 1885–1894 гг.

чрезвычайности циничный и шкурный – в уже идущей информационной войне императрица нужна мне как один из символов в борьбе с предателем и узурпатором.

Несмотря на наличествующее вроде бы вооруженное противостояние, связь с Петербургом у нас присутствует. Более того, столичные газеты приходят в Москву без опозданий. Это связано как с тем, что официально никакой гражданской войны еще нет, так и с тем, что почтовые округа²¹ не совпадают границами с военными. Поэтому мы в курсе петербургских событий, а там, скорее всего, в курсе наших дел. Так что по утрам, вместе с завтраком, я изучаю питерские газеты. Сегодня я с удовольствием читаю передовую статью в «Торгово-Промышленной газете»: «Воззвание к русским предпринимателям». За помпезным заголовком следует довольно обстоятельный анализ отношений между самозванцем и главой торгового дома «Братья Рукавишниковы». На протяжении всей статьи читателю навязывается незатейливая мысль – это именно он, Рукавишников, стоит за появлением человека, называющего себя цесаревичем Николаем. Из всего изложенного делается простой и напрашивающийся вывод: если самозванец придет к власти, остальные предприниматели будут вынуждены бежать на поклон к Рукавишниковым, если, конечно, хотят остаться хоть кем-нибудь в российской промышленности и торговле. Или могут вешаться, ибо другого выхода у них нет.

Дочитав статью, я откладываю газету в сторону и медленно перевариваю прочитанное. Здорово! Если первые статьи, расписывающие в подробностях, как самозванец с бомбой в руках и кровью на клыках плясал над трупом невинно убиенного императора, были типичным лубком и примитивной пропагандой, на которую не стоило особенно обращать внимания, то вот эта статейка – со всем другое дело! Ай да молодец, борзописец, ай да сукин сын! Силен, чертик! После победы найду, лично настучу по физии, а потом поручу писать передовицы в самой серьезной официальной газете. Молодец!

Однако это все дела будущие, а пока этот сукин сын добыл «дяде Вове» поддержку промышленников. И теперь у него не будет проблем с боеприпасами, вооружением, обмундированием и прочим военным имуществом. Вот это да...

Я созваниваюсь с Долгоруковым и прошу подобрать мне с полдюжину толковых журналов. Пора устраивать ответный ход. Интервью вдовствующей императрицы с описанием истинной истории Каина и Авеля. Глядишь, в Питере почитают – задумаются...

Через две недели московско-питерского противостояния в Белокаменную прибывает Димыч. Судя по странной телеграмме, полученной из Нижнего, он везет с собой нечто, способное в корне изменить ситуацию нашего противостояния. Вместе с лейб-конвоем (он уже переодет в алые чекмени) я отправляюсь на вокзал.

М-да... «Прибывает» – это, по-моему, очень мягко сказано. Если появление в Москве, сидя верхом на стволе 120-мм башенного орудия бронепоезда, ошетиленного пулеметами, везущего на платформах четыре броневедомки, называется просто «прибыть», – тогда, конечно, Димыч прибывает. Причем Димыч являет Первопрестольной свой лик в образе натурального большевика-комиссара: кожаная куртка, кожаная фуражка, бриджи цвета хаки и высокие кавалерийские сапоги без шпор. Когда я увидел довершающий светлый образ прекрасного рыцаря пистолет-пулемет в деревянной колодке а-ля маузер, то чуть не подавился папиросой. Новоявленный командир бронесил России соскакивает с блиндированного чудища, на борту которого славянской вязью значится «Железняк», и бодрым шагом подходит ко мне:

– Ваше императорское величество! Бронепоезд «Железняк» прибыл в ваше распоряжение.

– Здорово, чертушка! – я обнимаю Димку. – Дай хоть сперва поглядеть, чего это ты такое притащил?

²¹ Округа почтово-телеграфного управления МВД (в то время почта относилась к Министерству внутренних дел).

Димон с видом записного экскурсовода ведет нас вдоль поезда, из которого уже выходит команда. Причем я замечаю, что среди Димкиных дружинников много моряков. Где он их взял? Ладно, потом спрошу...

Тут я замечаю, что первая платформа украшена надписью «Отомстим подлому узурпатору за убийство любимого императора!», а на второй гордо красуется «Даешь Санкт-Петербург!». Хорошо еще, что не «Долой самодержавие!» и «Вся власть советам!». Теперь становится понятно, что и название бронепоезду дано из чисто хулиганских побуждений!²²

Железный монстр впечатляет и ошарашивает неподготовленного человека. Две бронеплощадки с башнями, вооруженными длинноствольными (не менее пятидесяти калибров) пушками 120 мм. Угол вертикального наведения... э-э-э... градусов пятьдесят, надо полагать. Два броневагона с пулеметными спонсонами и башенками. А в башенках стоят... шестиствольные картечницы? Да, подтверждает Димка, картечницы Гатлинга-Барановского, но с электроприводом. Скорострельность почти две тысячи выстрелов в минуту! Ого! Флот, говоришь, от них отказался? Ну, блин, Платов вообще... офигел! От такой классной штуки отказаться! Так, что у нас дальше? Два бронепаровоза. Ровно в середине состава штабной вагон. Командно-дальномерный пост с пятиметровым (аж!!!) дальномером! Тоже флот отказался? Вот ведь... блин! А как оно внутри? Залезаем в один из вагонов. А здесь довольно удобно и... просторно, что удивительно! Потолок высокий, но это уж Димка наверняка под себя заказал – не любит макушкой стучаться, а ростику в нем под два метра. Так, идем дальше... Все бронеплощадки соединены защищенными переходами. Проходим вдоль поезда на командный пост. Мать моя, императрица! Да здесь, кроме самого дальномера, полно разнообразной оптики! Четыре прибора наблюдения, по два на борт (что-то вроде встроенных биноклей, не удержался – глянул – видно, как вживую!), два перископа. Хорошая оптика, хвалю я Димку, а он гордо отвечает: просветленная. Оп-па! А это что такое? Что за гибрид арифмометра с печатной машинкой? Артиллерийский директор? Ни фига се!!! И тоже флотские отказались? Бл... блин, вернется Платов, я ему покажу, как ресурсами разбрасываться! Ну и довершает все это благолепие стоящее на возвышении, под одной из перископных башенок, супернавороченное кожаное кресло, сильно напоминающее пилотское. Ага, командирское место! Димка под свою ж... задницу сделал.

– Ну, – интересуется купчина в комиссарском прикиде, откидывая подлокотник командирского кресла и доставая из приютившегося там мини-бара бутылку коньяку и серебряные стопки. – Как?

– Да, бронепоезд – просто фантастика! – честно отвечаю я, принимая наполненный стаканчик. – Но для полномасштабной атаки на мятежную столицу этого все же маловато... Или нет?

– Это, государь, вы еще новые броневики не рассмотрели! – ухмыляется купчина, и в его голосе появляются знакомые «рекламные» нотки. – Новейшая модификация! Если все сделанные до этого были просто бронированными автомобилями, то этот – настоящая боевая машина! Броня противопульная! Полный привод! Усиленная подвеска! Вылизанный до блеска двигатель дает пятьдесят пять лошадок!

– Разгон до сотни за пять секунд? – пошутил я.

Димка сбился с пафосно-рекламного тона и продолжил гораздо спокойнее:

– Скорость по бездорожью – почти двадцать верст! Запас хода – двести километров! Мало того – «единорог» стоит не на открытой всем ветрам турели, а установлен в башне! Покрышки многокамерные. А на броне можно перевозить четырех человек – там специальные

²² Матрос Железняк – Железняков Анатолий Григорьевич (1895–1919), матрос Балтийского флота. Анархист, примкнул к большевикам. В январе 1918-го начальник караула Таврического дворца. Вошел в историю фразой «Караул устал» при роспуске Учредительного собрания. С мая по июль 1919 г. командовал бронепоездом. Погиб в бою.

скобы приварены. Правда, на небольшое расстояние. И внутри, кроме экипажа, состоящего из водителя и башенного стрелка, можно с относительным комфортом посадить еще двоих людей. В общем, не броневик, а зверь! Да так и назвали – «медведь»! И таких я привез аж четыре штуки!

– Да, броневики – просто загляденье! – киваю я.

И верно – те броневики, что Димка привез в Москву в мае, были обычными «Жигулями», на которые ставили открытые сверху кузова из более толстых стальных плит. Естественно, что простая стальная плита, даже толщиной в десять миллиметров, еще не броня. Поэтому такие «броневики» «держали» берданочную пулю только на дальностях свыше двухсот метров. По нынешним временам и такое чудо техники являлось супероружием. Вот только полевое применение «бронезигулей», как показала практика, было несколько затруднено низкой проходимостью. «Жигули», со своим тридцатисильным двигателем, и так не годились для ралли-рейдов, а уж с потяжелевшим в полтора раза кузовом... А эти... красавцы... внешне очень сильно напоминающие БА-64 ... Только раза в полтора побольше и потяжелее. Если Димка не преувеличивает (а он никогда этим не грешил), то эти «медведи» уже можно назвать настоящими боевыми машинами.

Тут мою свиту словно прорывает:

– Государь, но это же грандиозно!

– Государь, это неуязвимый транспортер орудий...

– Государь, это гарантия прорыва любых укреплений...

– Государь, мы можем легко подавить мятеж цареубийцы...

– Ваше императорское величество, – резюмирует прибывший на встречу со своим личным другом князь Долгоруков, – прошу вас, отдайте приказ. Через неделю Санкт-Петербург будет лежать у ваших ног.

Ну вот: без меня меня женили. Сегодня же Духовскому сообщат о прибытии «чудо-оружия необыкновенной мощи», и завтра утром, много – к обеду, у меня на столе будет лежать детально проработанный план наступления на Питер. Уж Куропаткин с Духовским постараются. Землю будут грызть, а сделают. Краем глаза замечаю кислое выражение на Димкином лице. Чем это он недоволен? Предстоящим сражением? Никогда мой друг не бегал от боя! Но в памяти я делаю пометку разобраться.

– Хорошо, князь, обсудим наши планы на военном совете, – киваю я Долгорукову. – Вот только вы, господа офицеры, забыли о немаловажной вещи – каким образом все это чудо технической мысли, вкуче с экипажем, вписывается в структуру наших вооруженных сил?

Господа офицеры смотрят на меня недоумевающе. Но потом до них доходит – по сути, вся эта Димкина дружина – незаконное вооруженное формирование. Партизаны или бандиты – это уж с какой стороны смотреть.

– Государь, так давайте примем господина Рукавишника и его людей вольноопределяющимися²³! – нашелся Волкобой.

– В гвардию рановато, – добавляет Гревс, – но в состав 12-го Гренадерского полка – в самый раз.

– Не все мои люди имеют необходимое образование! – уточняет Димка.

– Ну, тогда – охотниками²⁴! – пожимает плечами Волкобой.

– Годится! – киваю я. – Но с двумя поправками – самого господина Рукавишника мы принимаем на службу прапорщиком! Без сдачи экзамена! Полагаю, что предоставленный им в наше распоряжение бронепоезд вполне может заменить любые экзамены! И второе: бронепоезд

²³ **Вольноопределяющийся** – военнослужащий русской армии, добровольно поступивший на военную службу после получения высшего или среднего образования.

²⁴ Охотник – военнослужащий русской армии, добровольно поступивший на военную службу, но по образовательному цензу не удовлетворяющий условиям, установленным для вольноопределяющихся.

со всем экипажем и броневики будут числиться отдельным подразделением и подчиняться непосредственно мне. А назовем мы их...

В принципе, я могу прямо сейчас назначить Димку генералом бронесил Российской империи, и никто мне слово поперек не скажет. Но зачем ломать устоявшийся порядок производства в чин?

– А где ты, милый друг, прислугу к орудиям набрал? – вспоминаю я. – Или в твоей частной дружине уже и артиллеристы есть?

– Так в Стальграде более трехсот военных квартировало – военприемка, инженеры, испытатели. Ну, как новость о смерти императора пришла – собрал я их всех да вежливо поинтересовался – кто, мол, хочет записаться добровольцем? – усмехаясь, ответил Димка.

– Добрым словом и револьвером?.. – понимающе роняю я.

Дима многозначительно кивает.

Н-да... представляю себе это зрелище. Димка в своей кожанке выходит на какую-нибудь трибуну и грозно оглядывает притихших моряков. Притихших – потому как они со всех сторон окружены пулеметчиками. «А кто не против – может опустить руки и отойти от стенки!»

– А ты знаешь, кто у меня начартом? – улыбается новоявленный прапор. – Сам Никитин!²⁵ Он в приемной комиссии состоял...

– Тот самый? – уточняю я.

– Самый что ни на есть! – радуется Димка. – Владимир Николаевич. Причем как раз он добровольно решил к нам присоединиться.

Я глубокомысленно качаю головой. Стоящие вокруг офицеры ничего не понимают. Еще бы – в настоящее время будущий герой обороны Порт-Артура наверняка еще ничем не прославился, да и звание у него, скорее всего, не выше штабс-капитана²⁶.

Вечером мы с новоявленным офицером уединяемся в моем кабинете. Я рассказываю подробности покушения, а потом делюсь с другом своими сомнениями по поводу лояльности наших современников. Димыч сначала недоумевает, а потом открыто возмущается, называя меня «охреневшим параноиком».

– Да если бы дед захотел от тебя избавиться, то мы бы сейчас с тобой уже не разговаривали! – громким шепотом, чтобы не привлечь внимания охраны, «орет» Димыч. – Он и Дорофеев – это же волки! Для них человека прихлопнуть что для нас с тобой высморкаться! Реши они, что на тебя ставить бессмысленно, – ты бы уже давно от «геморроидальных коллик» скончался. Причем самых натуральных, а не в виде удара табакеркой в висок. Или неудачно с лестницы бы упал! И никто никогда ничего бы не заподозрил! Понимаешь? Они профессионалы! Неужели ты не понял, что здесь явный дилетант сработал? Способ покушения крайне ненадежный! А если бы поезд в момент взрыва в горку тащился? С минимальной скоростью? Он бы вообще мог с рельсов не сойти. Разнесло бы тот отсек, где бомба была – и все! Не сто кило ведь там было! Наверняка не больше пары пудов, чтобы взрывное устройство могло поместиться в дорожном кофре. Млять, сообрази ты пораньше да прикажи проверить поезд – стопудово нашли бы адскую машинку и просто в поле бы ее вышвырнули! Очень сомневаюсь, что там была система неизвлекаемости! А группа контроля и добивания? Ты всерьез считаешь, что нападения на станцию силами двух десятков косоруких уродов достаточно? А «дядя Вова» считал это стопроцентной гарантией!

Я киваю, признавая правоту друга. И что это у меня и в самом деле паранойя разыгралась? Не иначе как с перепугу! Причем и Целебровский, и Шенк никаким боком не могут

²⁵ Никитин Владимир Николаевич (1848–1922) – генерал от артиллерии, герой обороны Порт-Артура. В описываемый период служил в Инспекторском отделении Главного Артиллерийского Управления.

²⁶ Таругин просто не помнит. В 1888 г. Никитин В. Н. уже имел воинское звание подполковника (звание полковника он получил в 1890 г.) и был кавалером орденов Св. Георгия IV ст.; Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом; Св. Анны II степени; Св. Станислава 2-й ст.; Св. Станислава III ст. (Прим. авторов.)

отвечать за раскрытие заговора – они не служба охраны и не ГБ. Целебровский русскую разведку на ноги ставит, а Шенк так и вообще где-то на бескрайних просторах Северной Америки уже полгода пребывает, с нуля создавая ИРА.

Затем Димыч выкладывает мне свои выводы о личности террориста. И я соглашаюсь, что наверняка это был именно засланец из будущего. Очень похоже по почерку – жестоко, но крайне бестолково. Да и «дядя Вова» до самого последнего времени производил впечатление приличного человека и даже успел со мной подружиться. Немного удивляет тот факт, что засланец после покушения не вернулся восвояси, а продолжает игру в мятеж. Или все-таки вернулся, а упорствовать продолжает сам Владимир. Из страха, что ему так и так песец за это покушение. Мой крутой нрав известен очень многим. И за меньшее, бывало... Ладно, отвлекся...

– Так что будем делать, друг сердешный Димка? Может, попытаемся связаться с В. А. напрямую и предложить почетную ссылку? Очень, знаешь ли, не хочется попусту русскую кровушку проливать! Если засланца в башке великого князя уже нет, то Владимир вполне может согласиться.

– Гм... – Димыч чешет репу, – не думаю, что прокатит, но попробовать стоит! Вдруг да сработает! Только не ссылку надо предлагать, а гарантировать свободный выезд за границу вместе с семьей и сохранение его личного капитала. Думаю, что за границей, особенно в Англии, откуда выдачи нет, Владимир будет чувствовать себя спокойней. А мы через полгодика, когда он сам подуспокоится и охрана устанет непрерывно бдить... ка-а-а-ак...

– Хрястнем по башке ледорубом! – подхватываю я. – Н-да, узнаю друга Димку! Каюсь! На секундочку я заподозрил тебя в гуманизме. Как же – выпустить из страны одного из главных кандидатов на престол. К тому же замаранного покушением на императора.

Димка весело ржет.

Я не ошибся: утром в нашу с Мореттой спальню одновременно постучались Шелихов и Куропаткин. Первый прибыл звать на обычные утренние занятия рукопашным боем, второй – пригласить на экстренное совещание Императорского Главного штаба. На повестке дня один вопрос – наступление на Санкт-Петербург.

Млять, ну не лежит у меня душа посылать Димыча в бой. Нет, я в нем уверен, даже больше, чем в самом себе, и огнем он проверен, и воевать ему не впервой... И броню на «Железняке» ничем в этом времени не пробить, и вооружение там такое, что целую дивизию положить может, а то и две... но вот не лежит у меня душа! Не знаю, что не так, но чувствую, есть какая-то подлянка! Бывало у меня уже такое...

...В тот год судьба занесла нас вместе с казаками-добровольцами в Югославию. Вишеград, Вишеград... В тот день ребята, обозленные вчерашними потерями от снайпера, попросились в поиск за Дрину. Как выразился Санек Руськин: «Найти этого козла и воткнуть ему винтовку в жопу, пока мушку спилить не успел». Я точно знал, что на той стороне нет ничего серьезного, что, даже если мои снайпера не отыщут, все равно – дело будет на пользу. Разведанные лишними не бывают, да и если наши кинут там пару хитрых сюрпризов – кто-никто, а ведь поймается... Да и выяснить, чего это с той стороны минометы бить перестали: мины кончились или мы их все-таки накрыли? Короче говоря, все было за то, чтобы ребят послать. Но внутри сосал какой-то червячок: не надо бы им туда, не надо...

...Я не послушался своего «червячка», а через два дня до крови изгрыз губу, когда из поиска вернулись только двое. А ушли семеро. Ночью туда прибыли турки. Те самые, «Серые волки». Еще через день они на кольях подняли то, что осталось от моих пятерых бойцов. На пятнадцати кольях... Димка был одним из тех, кто вернулся...

Рассказывает Дмитрий Политов (Александр Рукавишников)

К огромной досаде всего Главного Императорского штаба, мне пришлось обломать их планы немедленного наступления на Питер. Причина была довольно простой, но существенной – произведший громкий фурор бронепоезд был пока небоеспособен. На 120-мм орудиях, ударными темпами установленных на платформах, не было таблиц стрельбы. А откуда им было взяться, если данные орудия еще не прошли никаких испытаний?

Мало того, снаряды к нашему главному калибру были только бронебойные. Причем бронебойные условно – просто чугунные болванки. Ведь они были приготовлены для испытательных стрельб. Конечно же, я загрузил Майбаха этой проблемой, но раньше чем через пару недель нормальных фугасных снарядов у нас не будет. Ну, может быть, по паре десятков на ствол... На большее просто не хватит взрывчатки – ведь до запуска нашего химкомбината еще далеко, поэтому аммотол мы пока делали в лаборатории.

Дальше – больше. Никто из привлеченных мною в экипаж военных не умел стрелять из пушек на ходу. Собственно, именно для упрощения процесса наведения я и приспособил недоукомплектованный артиллерийский директор. На нем можно было вводить поправки на скорость и изменяющийся угол относительно цели. Однако даже опытный боевой офицер Никитин с трудом осваивал эту новинку. К тому же понятно, что наскоро сформированный экипаж видел предоставленную в их распоряжение боевую технику в первый раз. И на ее освоение людям понадобится от недели до месяца. Полностью боеспособными были только пулеметные точки, укомплектованные моими дружинниками.

Мало того, за время нашего перехода из Нижнего в Москву к основным проблемам добавилась масса вскрытых в процессе эксплуатации мелких недочетов в проектировании. Плюс целая куча небольших поломок.

Вот все это в сумме и делало немедленное участие «Железняка» в боевых действиях невозможным.

Узнав об этом, Олегыч с чувством выругался, мол, припер полуфабрикат, и распорядился немедленно начать тренировки, а платформы с орудиями отправить на полигон для испытаний и составления таблиц стрельбы.

Правда, при этом он подбросил мне, а вернее сказать – нам всем, «стальградцам», несколько дельных советов. Я как-то и позабыл, что мой бывший командир – артиллерист со стажем, но Олегыч – он такой: если чего – быстро напомнит...

Во-первых, для полноценной стрельбы на ходу он предложил спокойно и без затей уменьшить заряд в патроне орудия. Мотивировал он это простым, доходчивым объяснением:

– Я не понял – ты реально на двадцать кэмэ лупить собрался? Ну-ну...

Уменьшение пороховой навески он предложил провести на заводе так, чтобы рассеивание снарядов осталось на приемлемом уровне.

Во-вторых, сообразив, что после полноценных полигонных испытаний стволы будут расстреляны до последней стадии, он распорядился отстрелять каждый ствол на пять снарядов максимум. После чего вручил мне толстенный труд Константинова по составлению таблиц и велел посадить заводских расчетчиков за работу. Этот совет также сопровождал его комментарий:

– На компе мы бы это с тобой вдвоем за четыре часа просчитали. Сколько у тебя сотрудников в расчетном отделе? Отлично, через три дня результат должен быть!

В-третьих, Олег приказал офицерам артиллерийского полигона замерить углы траектории снарядов в момент вхождения в землю. Затем сам написал несколько формул, что-то уточ-

нил у нач арта Московского военного округа и предъявил мне листок с расчетом эллипсов рассеивания. Со слегка виноватым видом он заявил:

– Димон, раз пушек таких у нас только две – эмпирические методы не годятся. Вот по этим расчетам эллипс определить можно. Только вот среднеквадратичная ошибка – пятнадцать процентов...

Сначала я не понял, что сие значит, но, когда рассказал об этом расчете Никитину, тот сначала помянул нехорошим словом матерей пушек, снарядов, траекторий и эллипсов, но потом, почесав в затылке, сообщил, что этот расчет наиболее совершенен и раз уж такая ошибка выходит – что поделать... Будем из этих пушек, мать их, по этим расчетам, мать их, стрелять, мать его...

В-четвертых, Олег сказал, что раз навеска пороха меньше, то снаряд можно сделать тонкостенным, увеличив вес ВВ. И велел заняться. Я распорядился. Занялись...

А пока наша «грозная ударная сила» наращивала свою боеспособность, военный совет решил войти в соприкосновение с войсками узурпатора и установить жесткий фронт. Желательно где-нибудь под Тосно, но если не выйдет – хотя бы захватить станцию Бологое.

Для этой цели начали формировать отдельный отряд, в который должны были войти пехотный и кавалерийский полки, саперный батальон, артиллерийский дивизион и «механическая» рота – четыре наших новых броневика. Двигаться этот отряд должен был по железной дороге, ведя разведку конными дозорами. Получилась этакая конно-механизированная группа.

Чтобы усилить огневую мощь, я предложил одну батарею полевых пушек разместить на железнодорожных платформах. А платформы частично забронировать – мы прихватили с собой из Стальграда приличный запас броневых плит, сварочный аппарат и большую ремонтную бригаду.

Олегыч активно поддержал мое предложение. И даже творчески его развил:

– В принципе, можно ведь сформировать новый бронепоезд! – сказал будущий император. – Если добавить пулеметы и хоть как-то все это забронировать, включая паровоз. И получим бронелетучку.

Ясное дело, что командовать отрядом мне, вчерашнему шпаку, никто и не предложил. А Олегыч даже и не стал заикаться об этаким кощунстве – ставить какого-то прапорщика над заслуженными офицерами. Он сейчас не в том положении, чтобы раздражать своих сторонников попыткой протолкнуть фаворита на «теплое» местечко.

Единственное, что удалось оговорить, – особый статус «бронероты». Я мог исполнять приказы командира отряда «по собственному разумению». Это было мотивировано тем, что только я понимал специфику использования такого нового оружия, как боевые бронированные машины.

Интерлюдия

– Ваше императорское высочество, – настойчивый голос адъютанта вырвал Валлентайна из тягостных раздумий.

Только что от него вышел великий князь Николай Михайлович²⁷. Он принес неутешительные новости: в кавалергардском полку, где Николай Михайлович служил после Академии генерального штаба вот уже третий год, опять проявились настроения в пользу самозванца. Впрочем, уже практически никто не считает Николая самозванцем. Даже дуракам уже стало понятно, что идет противостояние дяди и племянника. Причем если в первых случаях это было просто глухое роптание на существующую власть великого князя Владимира, на изо-

²⁷ Романов Николай Михайлович (1859–1919) – член российского императорского дома, старший сын великого князя Михаила Николаевича, сына Николая I и Ольги Федоровны, историк.

ляцию Санкт-Петербурга, на бегство многих к цесаревичу, то теперь в полку открыто говорят, что цесаревич отца любил и никогда не поднял бы на него руку. Несколько кавалергардов, нимало не смущаясь присутствием Николая Михайловича, обсуждали опубликованный в «Московских ведомостях» и «Речи» рассказ императрицы Марии Федоровны о подробностях покушения. Некоторые вспоминали рассказы приятелей из Конно-гренадерского и Гродненского гусарского о справедливости цесаревича, его внимании и участии в жизни полков. Наконец, прозвучало самое страшное: «Да если бы он был цареубийцей, давно бы уж на Петербург бы пошел! Силто у него больше, чем у «Володьки!»» И тут же во внезапно повисшей тишине прозвенело: «А если «Он» пойдет, ты что делать станешь?»

Симптомы были угрожающими. Верные люди докладывали, что во всех присутственных местах сейчас почти пустыня. Чиновники рангом повыше частью сбежали к Николаю, а частью сидят по домам, симулируя самые экзотические заболевания. Мелким чиновникам податься некуда, но и они старательно поддерживают необъявленную «итальянскую» забастовку – на службу ходят, но практически ничего не делают.

Проклятый матриконт проявил несвойственные ему благоразумие и выдержку. Вместо того чтобы немедленно броситься в атаку на Питер, он спокойно выжидал в Москве. И копил силы. Вот только вчера пришло сообщение, что область Войска Донского направила выборную старшину в Москву. Зачем? Не нужно быть предиктором, чтобы предсказать: они направляются к проклятому «цесаревичу» выражать свою покорность. А этот мерзавец Чихачев? Ведь при личной встрече однозначно выразил свою лояльность! Но на следующий день перебрался из-под шпика под защиту фортов в Кронштадт. Вместе со всем штабом. В Морведе теперь только вестовые и остались. И все боеспособные корабли туда угнал, оставив в Питере только разъездной катер для связи. Мотивировал «сложностью момента», скотина. Может, их семьи в заложники взять? Здесь так не принято, но ведь начать никогда не поздно, правда? А то ведь, не дай бог, во время прохода английского флота какой-нибудь казус случится! Вроде шального выстрела с форта. Или случайного включения крепостного минного поля. Кстати, а англичане...

– ...Ваше императорское высочество, – сэр Роберт Бернет Дэвид Мориер²⁸ слегка поклонился, – то, что вы просите, осуществимо, но что вы можете предложить правительству ее величества взамен?

– Если правительство ее величества согласится оказать нам реальную помощь в борьбе с самозванцем, мы готовы пойти на самые широкие уступки в Туркестане.

– Под «реальной помощью» вы подразумеваете военное вторжение? – Сэр Роберт снова чуть наклонил голову.

– Да, именно так! И за эту помощь мы пойдем на любые мыслимые и немыслимые уступки! Я согласен с генералом Макгрегором²⁹, что до сих пор Россия слишком часто нарушала взятые на себя обязательства. Понимая, что это не добавляет открытости и искренности в наш диалог, я тем не менее готов предоставить любые гарантии нашего немедленного ухода из Туркестанских ханств, отвода наших войск от Панджшеха и скорейшего оставления Мерва. Мало того – я немедленно прикажу следующей на Дальний Восток эскадре повернуть назад!

Сэр Роберт вскочил на ноги, как ошпаренный кот. Такое предложение бывает у дипломата только раз в жизни, и Мориер не собирался его упускать.

– Я немедленно информирую правительство ее величества о ваших предложениях... – он на мгновение запнулся, но уверенно закончил: – ваше величество...

²⁸ Посол Британской империи в России в 1884–1894 гг.

²⁹ Генерал-майор сэр Чарльз **Макгрегор**, генерал-квартирмейстер британской индийской армии, автор скандальной книги «Оборона Индии» (1884), в которой рассматривал возможную англо-русскую войну.

...Да, единственным успехом его политики можно считать переговоры с англичанами. Но медленно, боже, как же медленно!..

– ...Ваше императорское высочество, – адъютант стоял все так же, вытянувшись перед его столом, – генерал Ванновский безотлагательно просит вашей аудиенции в связи с новыми разведанными...

...Через час лорд Валлентайн тихо сидел, обхватив голову руками. Матрикант готовится к атаке на Питер, причем в его распоряжении бронепоезд и несколько броневых автомобилей с крупнокалиберными пулеметами. Как это проклятый «Рукавишников» не предоставил «цесаревичу» еще пары бомбардировщиков?!

Впрочем, теперь надо что-то решать. Лорд Валлентайн сосредоточился. А если?.. Если просто взорвать железнодорожное полотно, то толку от бронированного монстра не будет? Ну, если просто взорвать – починят, причем довольно быстро. А если взорвать мост?

Рассказывает Еремей Засечный

Вот уж не думал не гадал, что плечи мои погонями украсятся! Будет теперь чем перед отцом да дедом похвастаться! Признаюсь – давненько я мечту лелеял в родную станицу вернуться. Но не просто так, а приобретя определенный статус и положение. Чтобы нос родственничкам утереть – вот, мол, вы меня из дому ни за что ни про что выгнали, а я сам в люди выбился. Правда, даже в самых смелых мечтах я не думал, что по военной линии пойду. Рассчитывал, что максимум купцом третьей гильдии заделаюсь.

Но самое интересное – Хозяин обещал, что мои нынешние погоны – не последние. И быть мне офицером. Продолжай, мол, Ерема, повышать свое образование. Тогда через три-четыре года мне только выбрать останется – по строевой части карьеру продолжать или по инженерной. А и то ведь верно – как дал я в прошлом году уговорить себя поступить в нашу заводскую академию, так ведь уже и сам сейчас чувствую себя со всем другим человеком. Образованным! Вот ведь раньше мне и в голову не приходило употреблять в разговоре слова «статус» и «карьера»...

Правда, Сашка, секретарь хозяйский, и тут меня, стервец, обскакал – сразу звание вольноопределяющегося получил – до офицерского всего полшажочка. Ну да и ладно! Еще посмотрим, кто кому годков через десять будет козырять!

Но погоны-то отрабатывать надо! Вот и тронулись мы в путь на столицу. Как Хозяин выразился: пощупать супостата за теплое вымя...

Шли по железной дороге. Впереди наш бронепоезд грозный... хотел сказать «летит»... Продвигается... неспешно... скачками по 15-20 верст. Это Хозяин осторожничает. А ну как, говорит, найдется у врагов наших светлая голова и додумается эта светлая голова до артиллерийской засады. Бронебойных снарядов для полевой артиллерии пока нет, но ведь можно поставить «на удар» трубки шрапнелей...

Потому перед «Железнякам» нашим разведка многоэтапная проводится. Сначала конная скачет. Да не просто так, а десяток групп веером. С охватом на пять верст в каждую сторону. Пройдут два десятка верст, доложат, что все в порядке – следом инженерная разведка на дрезине моторной путь проверяет. Проверит, доложит – следом бронелетучка идет. И только потом, если все в порядке, наш «Железник» идет.

Сразу за нами группа поддержки и усиления: эшелон с пехотной и саперной ротами, кавалерийским эскадронам да броневиками на платформах. И уж за этим эшелонам следуют еще несколько на расстоянии пяти верст. Там все остальные войска: пехотный и кавалерийский полки, саперный батальон, артиллерийский дивизион.

Вот таким походным ордером и идем потихоньку. День идем, два идем... Подходим к Твери...

Тут Хозяин напрягся изрядно. Место, говорит, больно удобное для засады – достаточно нас на мост запустить да под нами его и взорвать. Два раза саперы мост проверили! Все, говорят, в порядке, мин нет! А Хозяин не верит, опасается... Сам полез проверять. Проверил, ничего не нашел. Но команду на движение так и не отдал! Почти целый час на путях у въезда на мост простоял, все противоположный берег разглядывал. То своими глазами, то в бинокль. А потом Ляксандра Михалыч мне и говорит:

– А возьми-ка ты, Ерема, два десятка дружинников да сходи на тот бережок. Оглядишь там хорошенечко. Вот там домики какие-то стоят, на дачки похожие? – в них обязательно пошарьте! Только... реку форсируйте пятью-семью верстами далее! Мало ли что...

*Интерлюдия*³⁰

Лейтенант Альфред-Яков Бруммель закончил Минный класс лучшим в выпуске и считал себя истинным профессионалом в минно-взрывном деле. Сейчас, расположившись в уютном флигеле дачного дома купчихи Морозовой, что стоял в двух верстах от моста, лейтенант внимательно наблюдал за действиями «николаевцев».

«Николаевцы» проверяли мост уже по второму кругу. Однако Бруммель не сомневался, что и в этот раз они ничего не найдут.

Просто поставить – просто обнаружить. Эту науку лейтенант выучил давно. Но ведь возможны и случайности. Вот на такой случай Бруммель и рассматривал в мощный морской бинокль суетящихся на мосту людей. Начни кто из них пристально, перегнувшись через ограждения, смотреть вниз, замаши руками, засуетись и... Бруммель вмиг опустит рубильник, замкнув взрывную цепь.

Рядом с каждой опорой моста было заглублено по десятку минных букетов, состоящих из морских мин, гарантированно разрушавших опоры моста и сбрасывавших фермы в реку.

Слава богу, пронесло, и вторая группа проверяющих покинула объект. Но почему «николаевцы» продолжают медлить? С момента окончания проверки прошло почти два часа, но никакого движения не видно! Неужели они все-таки что-то увидели? Так чего ждут? Ищут лодки, чтобы подойти к опорам по воде?

А, нет... Началось! Блиндированный поезд пошел по рельсам. Собственно, прямой приказ великого князя был достаточно прост – разрушить мост. Но Бруммель на свой страх и риск решил несколько расширить задание – взорвать мост вместе с бронированным чудовищем.

Лейтенант смахнул выступившую испарину со лба и крикнул саперам, старательно изображавшим артель граборов, что можно отложить ружья и выйти из сарая во двор. Пальцы Бруммеля закаменели на рубильнике. Вот сейчас... сейчас... Но что это? То, что подъезжало сейчас к мосту, совсем не походило на описание «Николаевского монстра»! Монстр был размером с броненосец и нес крупнокалиберные орудия. А это... Просто две платформы и паровоз!

Взрывать или не взрывать? Пот градом лил со лба Бруммеля. От решения этого сложного вопроса его отвлек резкий свист. Лейтенант отвел глаза от ползущего по рельсам состава и оглянулся.

Двор дачи быстро и неожиданно заполнился какими-то вооруженными людьми в незнакомой зеленовато-песочной униформе. Эти люди легко валили наземь саперов и сразу начинали вязать. Тех, кто оказывал сопротивление, жестко и беззлобно оглушали прикладами.

Не может быть! «Николаевцы»?!! Здесь?!!

Все закончилось в считанные секунды. Вся группа минеров, все двадцать семь человек оказались лежащими на земле, скрученными по рукам и ногам!

Лейтенант Бруммель глубоко вздохнул и опустил рубильник... Машинально втянув голову в плечи и прикрыв глаза, он ждал мощного взрыва, но секунды текли, а вокруг стояла тишина. Поняв, что вся затея провалилась и провода загодя перерезаны этими странными людьми, Бруммель открыл глаза и выпрямился. К нему неспешной походкой человека, полностью контролирующего обстановку, подходил здоровенный черноволосый мужик.

– Ну, вот и все, вашбродь... Поигрались, и будя! – весело оскалившись острыми белыми зубами, сказал чернявый и ленивым, но каким-то четко выверенным движением вынул лейтенантский револьвер из кобуры.

³⁰ В написании этой интерлюдии принимал участие Сергей Плетнев.

Рассказывает Еремей Засечный

За дело у моста Хозяин нас перед строем похвалил, при всех офицерах пообещал просить Государя о наградах всей нашей команде. Известно, за царем служба не пропадет, однако ж хорошие слова ребятам слышать было лестно, особенно перед служивыми – досель-то они на нас, дружинников, свысока поглядывали, хотя у нас много бывших солдат было. А тут сразу со всем уважением, за своих признали – табачком там поделиться, в круг к чаю с приварком посадить...

Меня в первый вечер к фельдфебельскому чаю унтера пригласили да спор меж собой завели – какую награду за наше дело дать могут, да какая выплата к каждой награде положена, да какие выгоды после службы дает... Сами-то все служаки матерые, про какую медаль ни заговорят – тут же кто-то на груди ее покажет... Знают, о чем говорят.

В общем, сошлись во мнении, что «Анненскую медаль» нам вряд ли дадут – ею больше унтеров, которые лет по двадцать отслужили, жалуют, но с ней и деньги большие идут: рублей пятьдесят могут дать, а то и поболее – как начальство решит.

Нам же медаль «За храбрость» положена, тут все согласились. За нее казна двенадцать рублей платит. Показали мне эту медаль – серебряная, спереди покойный Государь, а сзади надпись: «За храбрость». Ее на шее носят. Еще, сказали, недавно разрешили на груди с бантом носить, а бант-то – как на Георгии!

Фельдфебель Белоусов, который еще на турка ходил, сказал, мол, помяните мое слово, братцы, Государь за это дело – за усмирение – особую медаль учредит, никто из наших без наград не останется... В общем, хорошо посидели.

Потом у меня разговор с Хозяином состоялся. Сказал он, что командир из меня получился хороший и погоны прапорщика за минера я уже могу пришивать – он только от штабных по телеграфу подтверждения ждет. А вместо офицерского экзамена будет взятие Петербурга! И так мне тут станица родная вспомнилась!

Минера, мною захваченного, допросили. Хозяин потом долго ругался! Это же надо, говорил, под самым боком Москвы диверсионное подразделение противника минирует стратегический мост морскими минами, а наши горе-вояки даже не чухнулись! А может, и без измены не обошлось! Ведь морские мины – это не брусок тола, их ведь сюда по железной дороге привезли! Да с лодок ставили! И все это на территории Московского военного округа! И никто ничего не заметил?

Отбил Хозяин государю телеграмму с докладом, где особенно все «странности» помянул. Потом вслух сказал, но как бы для себя: «Будет теперь князю Васильчикову работа...»

Тронулись мы дальше. Но вот после Волги началось вокруг пути, как Хозяин выразился, «шевеление». В бой никто не вступал, но дозоры постоянно о вражеских конных разъездах докладывали. Мелькнут вдалеке и уходят на галопе.

Ну, собирает Хозяин в главном салоне «Железняка» совещание. Тут и он сам, и мы с Сашкой за адъютантов. И начарт бронепоезда подполковник Никитин. И офицеров человек десять набилось. Накурили так, что хоть топор вешай, – принудительная вентиляция уже не справлялась. Цельных три часа думали да спорили: что дальше-то делать? Четких указаний генерал Духовский не дал. Тут командир нашей КМГ³¹ полковник Волосюк и предлагает – а давайте, мол, рванем вперед? Чего это мы так плетемся? Хозяин ему объясняет доходчиво: мол, нарвемся на засаду – костей не соберем. Тише, мол, надо, тише. Вообще, «шепотом» идти. А не шашкой брэнчать. Ну Волосюк и завелся. Поддел его Хозяин-то – у полковника в ножнах пятиалтынный серебряный брэнчал. Для пушного форсу. Звонко так...

³¹ Конно-механизированная группа.

Завелся стало быть Волосюк. Усищи дыбом, морда покраснела. С каких это пор, рычит, какие-то купчишки мне, русскому офицеру, указ? Приказываю, мол, двигаться вперед с удвоенной скоростью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.